

Любовь Нохрина

Призраки
урочища страха

Любовь Нохрина
Призраки урочища страха

«Автор»

2016

Нохрина Л. Ф.

Призраки урочища страха / Л. Ф. Нохрина — «Автор», 2016

Странные и непонятные события происходят в глухом таежном поселке, где живут потомки кержаков-старообрядцев. После загадочной и страшной смерти отца Даша остается один на один с враждебно настроенными к ней жителями. В борьбе за счастье девушке придется столкнуться не только с завистью, подлостью и жестокостью. Она не знает, что один из ее односельчан –маньяк – убийца, зараженный вирусом мирового зла. Он все ближе и ближе подбирается к девушке, а рассчитывать ей приходится только на себя. Книга будет интересна любителям детектива, мистики, любовного романа.

© Нохрина Л. Ф., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть первая. Подарки детективам	5
1.1. Смерть черного колдуна	6
1.2. Ночь волка	11
1.3. Кошмар на Пьяной горе	14
1.4. Подарок для детектива	34
1.5. Кое-что о дьяволе и слугах	40
1.6. Беседы при луне	46
1.7. Шерлок Холмс и бабка Марья	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Любовь Нохрина

Призраки урочища страха

Часть первая. Подарки детективам

Оно проснулось. После долгого и мутного сна, проникаясь холодом, тоской, угрюмым и нудным духом этого странного и пустынного места, оно впитывало в себя ошеломляющие запахи, звуки, странную ауру.

Существо хотело есть. Голод этот мучил до боли, рождал странные возбуждающие образы и желания. Напрягаясь всем телом, судорожно дергаясь, оно протянуло свои локаторы вдаль и стало быстро прощупывать пространство и время, уже ни на что, не надеясь, Холод, холод, холод. Зло, боль, смерть, и больше ничего. Темные образы, глухие звуки. Вдруг где-то в глубине темноты возник слабый луч света, он все больше ширился, становился насыщеннее, сильнее. Тепло и свет накрыли его, ошеломили, осветили. Оно снялось с места, и устремилось к свету, охваченное всепоглощающей страстью и желанием. Там была жизнь, и она была ему нужна.

1.1. Смерть черного колдуна

В глухой тувинской тайге, в избушке, отгороженной от людей стеной непроходимого леса, буреломами, непролазными дебрями, умирал черный колдун. Умирал тяжело и давно. Жизнь не хотела покидать древнее иссохшее тело, ее приходилось выдавливать каплями, а она упорно цеплялась за его черную душу, не выпуская ее на волю из изъеденной временем и страстями, изжившей себя оболочки. Он не мог убить себя, то странное темное холодное существо, что жило в нем, растворившись в его крови, глядя на мир его глазами, умирать не собиралось. Чтобы найти покой, он должен был или убить его или передать другому телу. Но вокруг не было ни души. Последняя жертва истекала кровью на алтаре, а убить хозяина он не мог: в нем не было света, и он был слаб духом. Вот уже много дней колдун ничего не ел, пил только крепкий травяной настой, поддерживающий в нем подобие жизненных сил. Он постоянно находился в полусне, полубреду, потому вначале решил, что молодое, заросшее кудрявой бородой лицо привиделось ему, как и тысячи других лиц, приходивших к нему в его кошмарных видениях.

– Дед, ты живой? – парень потряс его за высохшее плечо, – Да ты болен никак, горячий какой. Ответа он не получил. Колдун медленно возвращал себя к реальности.

– Как к реке выйти? Заблудился я. От своих отстал. Думаю, все, пропал. Не дождавшись ответа, парень радостно продолжал: «Сел под елкой, думаю тут и помирать буду. Вдруг меня как поманил кто-то, ну вроде позвал. Гляжу, а тут избушка. Дед, а что за камни вокруг домика твоего разбросаны? Черные какие-то. Базальт – не базальт.»

– Ты в камнях понимаешь? – От неожиданно густого гулкового голоса парень вздрогнул: «Так я вроде геолога. Мы золото здесь ищем.»

– Нашли?

– Нет тут ничего. И чего ты живешь здесь один? Не страшно? Место жутковатое. Прямо оторопь берет. Я пока к твоей избушке шел, веришь, нет, ноги идти отказывались. Со страху чуть не помер. Так что за камни-то? Метеорит что ли?

«Он и есть, – глухо буркнул старик, жестко обрывая разговор. Жизнь еле теплилась в нем, но и этой капли хватило, чтобы понять, что в этом парне, молодом и глупом, его последняя надежда на смерть и освобождение. В угасающих глазах полыхнула боль, грязные ногти с силой впились в землистые ладони, на покрытых сетью мелких морщин руках набухли синие жилы, из горла вырвался полный смертной тоски и угрозы утробный стон. – С неба камни упали.»

Эй, дед, ты, что умираешь что ли? Ты лесник местный или охотник?

– Живу я здесь – нехотя уронил старик, нахмурясь и что-то напряженно обдумывая. – Путь я тебе укажу, выйдешь. Только и ты мне помоги.

А я-то чем тебе помогу? Хочешь печку затоплю, чай вскипятим, у меня и банка тушенки еще осталась. Тебя как зовут?

Дед молчал.

Парень медленно переводил глаза с одного предмета на другой. На улице сиял и переливался яркий летний день, искрила красками и била ключом жизнь. А здесь было тихо, сыро, темно и душно. Пахло гнилью, невымытым и больным человеческим телом. Нет, на охотничью эта странная избушка похожа не была. На темных прокопченных стенах, увешанных полками из необструганных досок, он увидел какие-то деревянные, металлические, глиняные коробочки, кувшины, висели пучки травы, от которых шел запах застарелой пыли. В углу шурила мертвые глаза змея, подвешенная под потолком. Гадина давно уже умерла, но под дуновением сквозняков, продувавших избушку, шевелилась и шуршала. Свет не доходил через давно не мытое мутное стекло. Углы были затянуты густой паутиной. Страх внезапно нахлынул на него.

– Ты, дед, никак колдун? – догадался геолог, – То-то, я гляжу, избушка на болоте, следов к ней нет. А ты, значит, живешь тут и колдуешь потихоньку?

Дед молчал. Он сел и оказался неожиданно высоким. В далеком прошлом это был могучий человек, но от прошлого остался только высохший, обтянутый пергаментной кожей скелет. Верхняя половина туловища была длинной и тонкой, нижняя короткой, маленькие ножки, не касаясь пола, бессильно болтались в воздухе.

– Ты не обижайся – балагурил парень, вскрывая ножом банку с тушенкой. Неожиданное спасение обрадовало его, сделало болтливым. – Скажи, а дьявола ты видел, или черта на худой конец? Старик удивленно поднял брови. Глубокая продольная морщина прорезала лоб. Тот, черный, поднял голову и слабо зашевелился в его иссохшем теле. Знакомая темная волна поднималась из глубин его тела. Геолог с изумлением наблюдал, как оживал старик, как в потухших глазах засветился разум, как искры жизни затеплились в застывшем теле. Картина была страшноватая.

– Так видел дьявола-то? – понижая голос и неловко улыбаясь, настаивал парень.

– А тебе он зачем? – Казалось, что голос, зычный, густой, и гулкий, идущий из глубины ссохшегося тела, принадлежит кому-то другому. Впечатление было такое сильное, что гость обернулся и внимательно оглядел убогую избушку.

– Ясно для чего. Он мне деньги и удачу, а я ему душу.

– Денег-то много надо?

– Денег, батя, много не бывает, как и удачи.

– А душа значит, лишняя?

– А ты, дед, философ. Кому она сейчас нужна, душа эта? Все на бабках замешано, на деньгах, то есть. Есть деньги – ты человек, нет их – дерьмо собачье. Так что с души этой никакого навару.

Со стороны нар, где съездившись, сидел старик, раздался жуткий и глухой, как из могилы, хохот. Не верилось, что это умирающий и истощенный до крайности человек мог так грубо и зло смеяться. Парень окаменел, схватившись за края полинявшей куртки.

«Ну ты, дед, и страшной же! Сидишь тут, подыхаешь, как старый филин, а все людей пугаешь. Так и похоронить тебя некому будет». Болтая без устали, парень между делом принес сухого хвороста, зажег огонь в закопченной печурке, поставил котелок, плеснув в него воду из деревянного ведра, стоящего в углу. Скоро в котелке вскипела, забурлила вода. Недобрые слова повисли в воздухе. Дед слушал молча, только голова его склонилась еще ниже. Из-под кустистых бровей угрюмо блеснули глаза.

– Дай мне руку – вдруг резко сказал он. Парень поднял голову и остолбенел. В недавно тусклых и безжизненных глазах горел огонь, если можно было назвать огнем холодное мертвое мерцание, исходившее из старческих глаз.

Ты дед чего задумал? Не балуй! – попятился геолог. Но его как магнитом тянуло вперед. Из глаз старика глянула в лицо перепуганного парня темнота и жуть, стылый холод сковал ему сердце, он почувствовал, как ледяная игла пронзает его тело, как медленно вытекает из него тепло, как всасывается и растворяется в крови мрак. Ощущение было таким пронзительным и острым, что он вскрикнул от боли. Помимо его желаний двинулось к старику его ставшее чужим и непослушным тело. Горячая, как огонь, рука коснулась его пальцев. Это было как удар током. Боль была такая, что тело задержалось в страшных судорогах, и он потерял сознание.

Очнулся он от холодного прикосновения мокрой тряпки. Старик стоял возле него, протирая лицо неожиданного гостя. Что-то неуловимо изменилось в нем. С облегчением и сочувствием смотрели на парня ставшие живыми и теплыми глаза. Отодвинув в сторону грязное и вонючее тряпье, он сел на старый грубо сколоченный стул.

– Старик, что это со мной было?

– Поживешь, узнаешь – пробормотал колдун.

– Зря тебя не сожгли. Я читал, что колдунов сжигали на кострах или топили. Я бы сам тебя в том болоте утопил. Закипела вода, старик налил в металлическую кружку крутой кипяток, бросил в нее щепотку травы. От густого аромата закружилась голова.

– Выпей, это даст тебе силы.

– Не отрава? – подозрительно покосился на кружку гость. Я думал, что ты помираешь, а ты вон какой еще шустрый.

– Скоро, – старик поставил кружку на край кровати и задумался.

– Что скоро?

– Скоро я уйду. Я теперь свободен. У нас мало времени. Помни, перед тобой я чист, ты сам выбрал свою судьбу.

– Это ты о чем? – простонал геолог, – Голова раскалывается.

– Все поймешь позже. То, что теперь в тебе, проявится через кровь и боль. Не убивай, не пролей чужую кровь – и ты никогда не узнаешь ада.

– Ты точно чокнутый. Какого еще ада?

– В нас живет добро и зло, свет и тьма. Отними жизнь, данную богом, и душа твоя низвергнется в пучину страданий, и свет померкнет в глазах твоих, и не будет тебе покоя, света и добра. Проклятый будешь один бродить среди людей, и не будет тебе прощения и успокоения ни на этом свете, ни на том.

С ужасом парень слушал слова, вылетающие из черного беззубого рта.

– Помни, тот, кто в тебе поглотит тебя, как только ты прольешь чужую кровь. И еще запомни: ты освободил меня, и я оставляю тебе надежду: Тьму можно победить светом, солнце разгоняет ночные страхи. Ищи свет! Если найдешь – спасешься!

И тихо стало в домике бывшего колдуна. Парень долго лежал, не решаясь встать, вслушиваясь в мерный гул тайги за стенами. Наконец, он встал, захватил мешок, спустился по скрипнувшему ступеням на покрытую рыжей хвоей землю и огляделся. Место было действительно мрачное. Лес, древний и страшный, плотной стеной подступал к избушке, недалеко за отлогой каменистой осыпью уходили вдаль серые обломки скал. Туда вела еле заметная в высокой, густо усыпанной цветами траве дорожка. Подумав немного, он с оглядкой двинулся в сторону валунов. Тропинка была хорошо утоптана, будто ходили по ней давно и постоянно. Она вывела его к черному провалу в скале. Тошнотворный сладковатый запах вызвал у него приступ тошноты. Подумав немного, он все-таки шагнул в темную пасть пещеры. Она была небольшая, стены покрыты зеленой плесенью. Посередине лежал гладкий, исполосованный канавками черный камень. На ощупь он был странно теплый, влажный и липкий. Тусклый свет падал откуда-то сверху. Густая капля упала ему на щеку, он поднял голову и остолбенел от ужаса. К потолку прямо над камнем было подвешено на крюк человеческое тело. Даже в полумраке пещеры было видно, что от человека мало что осталось, настолько изуродовано и измучено было оно. Кровь медленно капала в выщербленное в сердце камня небольшое треугольное отверстие. Оно было полно густой темной человеческой крови, которая струйкой стекала по узеньким желобкам на сырую землю. Из бокового хода донесся тяжелый прерывистый вздох. С трудом двигая онемевшими ногами, парень склонился над умирающим стариком.

– Мать твою! Это ты сделал? – свистящим шепотом спросил парень – Зачем? Может он живой еще?

– Нет, он мертв, мертв от рождения. И с рождения он посвящен тьме, – старик устало закрыл глаза.

Дед, это ты, значит, людей в жертву приносил!? Ну, ты и сволочь. Убить тебя мало. Парню казалось, что ужас этот не кончится никогда. Ему все хотелось больно ущипнуть себя, чтобы проснуться от этого кошмара, который никак не хотел кончаться. Нереальным было это место с черными клыками торчащих из рыжей развороченной земли камней, вонючая, пропахшая кровью, страданиями и болью пещера, парализующий ужас внушал ему старик, похожий на

высохший живой труп. Все это похоже на плохо поставленный фильм ужасов, героем которого он стал без всякого на то желания. Не понимал он, что произошло с ним в маленьком уродливом домишке, заросшем мхом, похожем на берлогу лешего.

– Жаль, дед, что не удавил я тебя, как хотел.

В медленной усмешке раздвинулись безжизненные губы умирающего. «Не суди, и не судим будешь. Помни, что я сказал» – прошелестел он. Голова его судорожно дернулась, покой и умиротворение медленно проявились на лице. И с тихой улыбкой он умер.

Охваченный страхом, парень потряс старика за плечо, но голова его безжизненно упала набок. Что-то тускло блеснуло на груди мертвеца. В слабом свете солнца, с трудом пробивающего гнилую темноту пещеры, стал виден в груди старика длинный нож с блестящей рукоятью, которым в последнем ударе свел счеты с жизнью старый колдун. Сам не зная зачем, геолог потянул рукоять, неожиданно легко и свободно нож поддался, удобно и ладно легла в руку украшенная чудными знаками ручка. Длинное острое лезвие было чистым и холодным, без следа крови. Оно засияло, отражая солнечные лучи. Необыкновенно хорош был этот, несомненно, старинный и дорогой нож, на котором время оставило свой темный след.

Выбравшись на свет, вдохнув запах цветущей тайги, парень не придумал ничего лучшего, как уйти из этого проклятого места и никому не рассказывать об увиденном. Нож он забрал с собой. Не поднялась рука выбросить такую красоту, да и денег ножичек, вероятно, стоил немалых.

Он уходил, боясь оглянуться, и все ему мерещилось, что смотрит кто-то на него из глубины леса недобрыми глазами, и в мерном шуме тайги слышался ему тонкий, пронзительный то ли свист, то ли зов, то ли просто ветер шумел в камнях.

К реке он вышел быстро, глядя на ее плавную струящуюся гладь, долго думал, как сплавиться ему вниз. Топора у него не было, а никакие силы не заставили бы его вернуться в логово колдуна. Вдруг сквозь шум струящейся воды он ясно услышал звук приближающейся моторки. Он закричал, забегал по берегу, размахивая руками. В маленькой лодке были двое рыбаков, возвращающихся домой. Заглушив мотор на середине реки, они долго разглядывали его, тихо переговариваясь между собой, и, судя по оживленной жестикуляции, отчаянно споря. Напрасно он звал их, чуть не плача. Мотор взревел, лодка скрылась за поворотом. Без сил геолог сел на поваленное, покрытое шапкой желтых опят дерево, устало глядя на темную струящуюся между кустов воду. Но рокот удаляющейся моторки вдруг стал громче, и она вновь показалась из-за поворота. Рыбаки подплыли к берегу. Высокий, плечистый немолодой рыбак, дергая подбородком, указал ему на пустое сиденье. В углу, опасно поглядывая на него, съелся совсем еще зеленый парнишка.

– Я уж думал, что вы бросите меня – радовался геолог – Ох, и места у вас тут, ужас, глушь!

– Ты здесь видел кого? – с трудом скрывая напряжение, спросил старший, угрюмо глядя в сторону убегающего берега. Сам не зная почему, геолог соврал:

– Да нет, я сразу к реке вышел, а что, потерялся кто?

– Нет, – напряжение не проходило. Рыбаки упорно не хотели встречаться с ним глазами. Когда на повороте лодку занесло, и, покачнувшись, он схватился за руку сидящего парнишки, тот шархнул от него так, что чуть не перевернул утлую лодчонку. Ужас и отвращение в его глазах хлестнули словно бич.

– Может мне кто объяснит, что происходит? – нервно спросил он, пытаясь закурить. Дрожащие пальцы с трудом держали сигарету.

– Места здесь, сам говоришь, нехорошие, глухие. Мы к берегу не подходим.

Очень хотелось спросить про старика, но какой-то внутренний голос говорил ему, что делать этого не следует. Отчуждение на лицах старого и молодого рыбаков граничило с враждебностью, а ему еще надо было, чтобы они довели его до жилья и помогли добраться до экспедиции. Кроме того, он чувствовал, что они оба по непонятным причинам боятся его до

смерти, но страх этот не помешал им вернуться и забрать его. Все это было таинственно, и порядком надоело. Наелся он этой таежной романтики досыта. Хотелось домой, в экспедицию, продымленные и прокопченные геологи казались родными и близкими. Они принадлежали к реальному, понятному и ясному, а потому такому удобному и уютному миру, который из этих мест казался добрым и спокойным. Добраться бы только к ним, и забыть, как дурной сон, все, что с ним произошло.

В деревне к нему отнеслись, словно к больному чумой или СПИДом. С ним не хотели разговаривать, смотрели с ужасом, шарахались. Все его жалкие попытки разбить стену страха и отчуждения, отгородившую его от людей, были напрасны. Но он все равно узнал, что из поселка часто пропали люди, что место, где его нашли, считалось проклятым, и туда никто не ходил. А кто по глупости или неведению все-таки решался наведаться в тот уголок тайги, больше не возвращался. Слушая все это, он вспоминал изувеченное тело под потолком вонючей пещеры и думал, что больше других знает, куда и почему пропадали люди. С радостью он покинул эти оставленные богом места с уверенностью, что кошмар из его жизни ушел навсегда вместе со смертью старого колдуна.

1.2. Ночь волка

На опушку леса, бесшумной тенью скользя между кустов и обходя редкие островки потемневшего, напоенного водой прошлогоднего снега, вышел одинокий волк.

Он был слаб и стар, зубы его истончились, живот подвело от голода, бурая тусклая шерсть висела клочьями. Вот уже много километров пробежал он по холодному лесу, а еды все не было. Он жадно обнюхал вкусно пахнущие следы лося, судорожно сглотнул тягучую голодную слюну и щелкнул клыками. Но этот могучий зверь давно был ему не по силам. Голод мучил все сильнее. Вдруг промозглый ветер донес до него будоражащий запах человека. От острого чувства опасности, близкой и реальной, шерсть на загривке встала дыбом, хрипкое рычание вырвалось из облезлой пасти. Серый повел носом и встал на след. Рядом с человеком его чуткий нос не чуял опасного запаха пороха и металла, наоборот, к нему примешивался слабый, но ощутимый запах теплой крови. Волк был опытным зверем. Весь опыт его звериной жизни подсказывал ему, что человек был один, и при нем не было оружия. Значит, это была легкая добыча для старого, больного и больше не нужного стае волка, который хотел только одного: есть. Но чем ближе он подходил к добыче, тем медленнее становился его бег, тем неувереннее движения. Через запах живой человеческой плоти, беззащитной, теплой и мягкой, пробивался запах, от которого у него на загривке шерсть встала дыбом. Вся его звериная натура восставала против этого запаха, в нем была смерть и еще что-то, несущее боль, страдание, хуже голода и смерти. Сквозь редкие кусты волк увидел темную фигуру затаившегося возле кучи валежника человека. Осторожно и напряженно хищник двинулся вперед, но тот же острый и страшный запах его остановил. Человек неторопливо повернул голову и посмотрел ему прямо в мерцающие зеленым светом глаза. Волку было невдомек, что ничего человеческого давно не было в этом двуногом существе, но и звериного в нем не было тоже, ибо то, что было его сутью, составляло смысл и цель его жизни, было противно всему живому. Он был сама смерть. И пахло от него смертью. Волк попятился, глухое рычание вырвалось из его оскаленной пасти. Он бесшумно повернулся и скрылся за темными силуэтами деревьев.

Человек слабо усмехнулся ему вслед тонкими белыми губами и продолжал вслушиваться в гулкую таежную тишину, приносясь к напоенному ароматами весенней земли густому прохладному воздуху. Слабый запах бензина он почуял раньше, чем до его обострившегося, как у зверя, слуха донесся еле уловимый рокот моторов. По лесной дороге двигалась колонна машин. Он чутко, как животное, повел носом, напряженно вслушался в равнодушную тишину засыпавшей тайги и, осторожно раздвинув голые ветки кустов, шагнул на дорогу, раздавленную тяжелым снегом. Шум моторов усиливался. Колонна приближалась. Человек быстро и ловко соорудил несколько кучек из подсохшего валежника, поджег их, сунув под каждую припасенный заранее кусок бересты, и прямо между неохотно задымившим валежником положил небольшой синий сверток. Затем он также ловко и бесшумно, как только что ушедший зверь, темной тенью скользнул в чащу леса и растворился в длинной синей глубине наступающей ночи.

Он не видел, как остановились машины, но по звуку моторов это понял, слегка замедлил шаги, вслушался, слабо усмехнулся, когда спокойную и гордую тишину взорвал грубый мат, крики, беспорядочная стрельба. Сквозь эти чуждые лесному покою звуки он уловил запах возбуждающего его человеческого страха. Походкой бывалого таежника, не потревожив ни одного сучка, ни одной ветки, он устремился в нужном ему направлении. Не душе было спокойно, он расслабился, черная муть, душившая его, ослабла, отступила.

Белесый дым лениво тлевшего валежника шофер головной машины увидел сразу, как и синий целлофановый сверток посередине. Он резко затормозил и напряженно стал всматриваться. Кругом было тихо. Шумел ветер в вершинах сосен, угрюмо покачивали островерхими

головами пихты. Их темные силуэты четко вырисовывались на светлом весеннем небе. Охранник, сидевший рядом с шофером, угрюмо ругнувшись, вылез из машины, и, не торопясь, двинулся туда, где дымился сизым дымом набросанный чьей-то недоброй рукой хворост. Второй повернулся к тайге и вынув пистолет, хищно всматривался в холодно молчащую тайгу.

– Петр, что там? – Хозяин вылез из подошедшей машины и стал тоже всматриваться вперед.

– Черт его знает, вроде мешок какой-то.

– Может взрывчатка? – предположил шофер, высунув голову и боязливо озираясь.

– Ага! Именно потому тебя и предупредили, вишь, костры развели. Нет, это кто-то хочет, чтобы мы подошли, вроде бы приглашает.

– Подарок, однако, приготовили. И ждали нас, значит, знали точно, что едем.

Подошла еще одна машина. Люди вышли, негромко переговаривались, ежились от пронизывающего сырого ветра. Охранник подошел, наклонился и осторожно развернул пакет. Несколько мгновений, показавшихся долгими, он всматривался в то, что бесформенной массой лежало перед ним, и вдруг взорвался площадным матом.

Люди бросились к нему, угрюмо смотрели на развернутый синий сверток.

– Николай Иванович! Вам на это надо взглянуть – крикнул охранник хозяину. Тот не торопясь, подошел, достал из кармана куртки круглый крошечный фонарик и долго тяжело глядел.

– Заберите-ка это с собой, – коротко сказал Николай Иванович и двинулся к машине. Затем вдруг он резко остановился, выхватил из кармана пистолет и стал беспорядочно палить в придорожные кусты. Вся команда, разом схватившись за оружие начала нелепую паническую стрельбу в вечерний полумрак. Тайга глотала пули, отзывалась болезненными стонами гулко-го эха. Хозяин сел в машину, махнул рукой, и кортеж двинулся. Скоро на развороченной после снежной зимы лесной дороге никого не осталось. Тогда из глубины леса вышел на дорогу волк. Жадно понюхав место, где лежал сверток, он сел тощим облезлым задом на холодную равнодушную землю, поднял ободранную морду к выглянувшей из-за рваных синих туч луне и завыл. Неизбывная старая злоба, тоска и голод звучали в этом вое.

* * *

Заутреню уже отслужили. В храме было тихо, прохладно. Не верилось, что на улице плыла майская жара. Пахло ладаном, тускло сияли темные лампы. Сквозь таинственный полумрак проступали суровые лики святых. Священник уже собрался уходить. Как вдруг у иконы божьей матери в дальнем углу он увидел лежащего ниц перед иконой человека.

– Что с вами, сын мой? – участливо склонился он над ним. Священник был немолодой, уставший от жизни и от веры человек, но было что-то в теле, распростертом на затертом многочисленными ногами и временем полу, что заставило его остановиться.

– Вы не хотите исповедоваться?

– Нет. – Глухой, низкий и густой голос странным эхом отозвался в стенах храма. Мигнули и затрепетали от дуновения неслышного ветерка слабые огоньки зажженных свечей, одна за другой они вдруг начали гаснуть.

Человек встал, и страшный, пустой взгляд ударил священника. Он отшатнулся.

– Простите ли мне грехи мои, отец мой? – снова глухо и гулко, как из подземелья, донесся голос.

– Отец наш прощает детям своим грехи и прегрешения вольные и невольные, – слабеющим голосом проговорил священник, – Просите и обрящете. Стучите, и вам откроется.

Он боялся еще раз увидеть бездонные и пустые глаза человека без души и говорил эти слова машинально. Он хотел одного, чтобы этот человек ушел.

– Моим грехам нет прощения. Значит, нет мне покаяния. – И отряхнув новый дорогой костюм, протянул толстую пачку долларов – Это на храм, на бедных, куда хотите»

– Свечку поставьте, – тихо сказал священник.

– Гаснут свечи, – устало молвил незнакомец и тяжелой натруженной походкой, слегка прихрамывая, двинулся к выходу. Священник долго смотрел ему вслед. Никто и никогда не внушал ему такого ужаса, как этот человек. Словно посреди сияющего яркого дня вдруг разверзлась мрачная бездна, и дохнуло из нее что-то черное, страшное, непостижимое, враждебное самому роду человеческому.

1.3. Кошмар на Пьяной горе

В тот проклятый день Людка Васнецова-секретарь поселковой администрации, здоровенная дебелия деваха с круглым простодушным лицом, на котором поблескивали маленькие раскосые татарские глазки, с утра была сильно не в духе. В глубине души Людка была уверена, что она красавица. Эта ее глубокая убежденность в своей бабьей привлекательности как-то передавалась окружающим, и все в деревне вполне искренне считали ее красавицей, хозяйкой, аккуратисткой. Всех соседей Людка поражала гирляндами белоснежных трусов, которые она развешивала на всех веревках в своем кукольном огороде, и горами булок, что она выпекала для своего длинного, худого, как жердь, и злющего мужика. Серега, по злым намекам комсомольских баб, бил красавицу жену смертным боем и ревновал даже к деду Цвигуну. Но бил умело, синяков не оставлял, с работы всегда забирал ее на старом «Урале». Супружеская пара гордо шествовала к старой колымаге, Серега на виду изумленных баб подавал любимой жене руку, заботливо усаживал в люльку, кутал ножки в выстиранную дорожку, и мотоцикл, глухо кашляя, чихая и треща, вез благородную пару домой.

Сейчас, в общем, незлую Людку переполняла лютая злоба: ей даже дышать было нечем.

Все началось в магазине. Его недавно открыл в конторе лесхоза толстенький веселый грузин из соседней деревни. Приезд машины с продуктами был праздник для умирающей от скуки деревни, и бабы толпой уже с утра заседали в коридоре конторы, делая вид, что не видят злобных взглядов Зинаиды Гавриловны-первой леди деревни, жены директора лесхоза. Маленькая, черная, как обезьянка, с поблескивающими бусинками черных глазок, она славилась среди мужиков своим сволочным и склочным нравом, а баб поражали ее длинные загнутые ногти, унизанные золотыми кольцами. На некоторых пальцах колец было даже по два. Зинаида ни с кем не общалась, мужика своего, маленького, тщедушного и болтливового, держала в черном теле и в ежовых рукавицах. Не варила, не стирала, огород не садила. Мужа ревновала к каждой бабе, возле которой словоохотливый Иван Кузьмич останавливался обменяться мнениями о важных проблемах внутренней и внешней политики и посоветоваться, как правильно распорядиться деньгами, полученными страной от продажи нефти и газа.

Зинаида гордо прошествовала мимо галдящей толпы баб с сумками. Пол под ее каблуками трещал, визжал, скрипел. У занятого Ивана Кузьмича руки до замены пола не доходили, хотя говорил он об этом много и часто. Прощедив сквозь зубы что-то вроде «Здравствуйте», первая леди Комсомольска скрылась за некрашеной дверью бухгалтерии.

Людка в тот день удивляла баб ярко – красной шляпой с широкими полями и длинным шарфом, обмотанным вокруг шеи. Эти обновы культурный Серега привез ей из области. Людка была на седьмом небе. Она вдруг почувствовала, каково это быть не только красивой, но и умной, интеллигентной, даже утонченной. Приняв аристократическое выражение лица, умно и строго глядя из-под широких полей красной шляпы, Людка объясняла бабке Цвигуновой, каким шампунем какие места на теле надо мыть. Бабы с почтением слушали Людкины интеллигентные речи, как вдруг ее словно обожгло. Увлечшись, она не заметила как взгляды немногочисленных мужиков, сгрудившихся возле мешков с мукой, устремились к двери, гомон баб притих. В воздухе повисло недоброе густое напряжение. От дверей обжигающе холодным насмешливым взглядом прямо на Людку уставились нездешние зеленые глаза Ивановой дочки. Дашка стояла, прислонившись к замасленному грязному косяку дверей и, не отрываясь, смотрела на переполненную восторгом от себя самой Людку. По этим ее ледяным взглядом почувствовала себя Людка просто душой набитой, смешной, жалкой и грязной. И окружавшие ее бабы, с таким почтением слушавшие обладательницу многих белых трусов, вдруг почувствовали то же. Возле нее вдруг образовалась пугающая пустота. Сама не зная как, добралась она до дома, обливаясь жгучими от стыда слезами, сорвала и сожгла красную шляпу. Перепуган-

ный Серега попытался, по привычке, сунуть жене под нос кулак или ткнуть под ребро, но та с таким остервенением заорала на него, так люто рванула повешенную недавно с такой любовью занавеску с оборочками, что озадаченный мужик сделал вид, будто у него неотложные дела и быстро ретировался из дома, еще долго оглядываясь в изумлении на синие с белым наличники чисто блестящих окошек родного дома.

С тех пор и появился у Людки враг. Злоба, душившая ее, не проходила. Секретарша металась в своем маленьком кабинете, обдумывая самые страшные планы мести. И тут в дверь, согнувшись, и зашел папаша Дашки Иван Вырин – еще не старый, и симпатичный мужик, редко навешавший вместилище власти.

– Где глава? – угрюмо спросил он, вешая на гвоздь богатую соболью шапку, не вязавшуюся с облезлым драным кожухом, залапанным подозрительными бурыми пятнами, и с жарой стоявшей на улице.

– А чего тебе? Зачем? – буркнула Людка, убирая грязную тряпку, закрывавшую покрытое пылью окно монитора новенького компьютера, присланного по разнарядке из области. Компьютера Людка боялась до смерти, он ей даже ночью снился. Юрка-кочегар местной котельной, и по совместительству программист, объяснил ей, что даже выключенный из сети компьютер работает, и показал мигающие в углу часы. С тех пор ей казалось, что вредная машина хитро следит за нею красным глазом и насмехается. Вот и завесила находчивая Людка злобную новинку грязной тряпкой. Аккуратность Людки на рабочее место не рапространялась, здесь она не обязана была убирать – мыла здесь полусумасшедшая бабка Марья, твердо верившая, что в компьютере живет злой дух. Потому она, входя в Людкин кабинет, крестилась и зачем-то плевала в угол.

– Где власть, дура? – неожиданно рявкнул Иван.

Спорить с этим страшноватым бугаем, в общем – то неробкая Людка, которая боялась только своего Серегу, не стала.

– Пьет он, День пограничника через месяц. Это святое! А участковый в отпуске. Нету власти.

Иван как-то по-детски вздохнул и сел на тревожно скрипнувший под ним стул.

– Плохи дела, – он потеряно посмотрел на Людку, – Нехорошие дела в тайге. Нехорошие. Скажи Сереге, если что, пусть вызовет милицию и прочешет Пьяную гору. Вот по этому номеру позвонить надо. Скажешь, что телефон Вырин Иван дал и помочь просил. Да не потеряй номер, корова! Беда в тайге.

Он говорил, захлебываясь, странные жуткие слова, выплевывая их, остервенело со страхом и злобой. Обалдевшая от страха Людка, охваченная непонятной жутью, не сводила глаз с угрюмого звероватого мужика. Иван встал, сунул ей замасленную бумажку и, задев головой дверной проем, вышел, забыв закрыть за собой дверь. Больше его в деревне никто живым не видел.

Через несколько дней, волоча перебитую ногу, прибежал к дому его пес Сокол, долго уныло и страшно выл под окнами, весь взъерошенный с вставшей на дыбы шерстью, Из оскаленной морды шла пена, острые уши прижаты, ухо разодрано до половины, бок в крови. Людей к себе не подпускал, но так страшно выл под окнами, что Серега, которого оставшаяся за всю сельскую власть Людка притащила к пустому дому Ивана, пристрелил пса и долго молчал, глядя на его худое ободранное туловище. Вот тогда, покрутив бумажку, оставленную ей Выриным, он и велел ей по рации вызвать милицию. Людка сама не помнит, что молола по той рации. В милиции решили, что село, по меньшей мере, захватили террористы, так она выла и причитала.

Село было совсем не маленьким, но заброшенная деревушка в далекой тайге давно была забыта людьми и богом. Деревня быстро приспособилась к новым временам. Те, кто приехали сюда в благословенные советские года, либо быстро испарились, прихватив с собой немудре-

ное имущество, а заодно и технику богатого леспромхоза, либо тихо спивались, проклиная все новое и взалхлеб вспоминая ящики тушенки и сгущенки, бдительно распределяемые предприимчивым профкомом. С годами ящиков в разговорах становилось все больше, речи злее, а жизнь этих выброшенных на обочину людей все тоскливей и беспросветней. В деревне процветали старожилы. Их было не так уж мало. Десятка два добротных рубленых домов, огороженных плотным нерусским забором, за которым захлебывались лютые псы, вызывали зависть, стояли трактора и косилки, поблескивали неизвестно откуда и зачем появившиеся, невиданные раньше иномарки.

Кормила тайга. Неласковая к чужим, она щедро одаривала тех, кто умел жить по ее законам. Летом заготавливали дорогой кедр, травы, драли кору, возили, собирали редкостную и ценимую на вес золота в городе смолу-живицу, потихоньку мыли золотишко. Зимой охотились на пушного зверя, продавали к новому году заезжим коммерсантам, которых становилось все больше, новогоднюю ель и пихтовую лапку, круглый год валили кедр, сосну, и машинами те же коммерсанты за хорошие деньги забирали все это добро. Богатеющие горожане строили дорогие коттеджи, и леса было надо много.

Начальство Комсомольск не навещало. Зимой сюда на новомодных машинах не попадешь, летом иногда добиралась власть на вертолете. Привозили припасы, продукты, При виде странных, черных фигур местных жителей, подталкиваемые темными, настороженными взглядами, приезжие торопились скорее уехать и быстро исчезали в черном чреве вертолета, облегченно захлопывая за собой дверь.

* * *

Наряд милиции прибыл на удивление быстро. Из вертолета лихо выпрыгнули человек десять милиционеров. Командир их не без интереса выслушал сбивчивый Людкин рассказ, периодически прерываемый невнятными бормотаниями и протяжным воем секретарши, и потребовал проводника. Людка, проклиная всех и вся, заметалась в панике. В слепой и отчаянной надежде на мужика она ринулась к Петровичу, всенародно избранному на высокий пост главы Комсомольской администрации. Мать Петровича, увидев ее, только безнадежно покачала головой. Сам глава, нежно обняв огромную, почти полную стеклянную бутылку с отливающей янтарным светом медовухой, с неудовольствием посмотрел на нее мутным горьким взглядом и тупо качнул головой, на которой густой щетиной торчали черные, жесткие, как конский хвост, волосы, где запутались в полной неразберихе сено, перья, кусочки бумаги. Он пил уже не первый день и, судя по всему, до конца было еще далеко. Петрович, пришедший в полное отчаяние от безысходной судьбы и одолеваемый высокими и трагическими мыслями, крепко подогретыми крепчайшей медовухой, отмахнулся от воющей Людки, нежно обнял пузатую бутылку и глубоким, красивым голосом вдохновенно запел: «На границе тучи ходят хмуро...» Обозлившаяся заместительница сразу поняла, что рыдать и биться о стены – только зря тратить время и силы. «Ладно, сволочь, – шагая домой, думала она, – пропешься – я тебе устрою День пограничника!» Она метнулась за советом к мужу. Тот безразлично выслушал ее вопли, повернулся к ней спиной и очень, очень далеко послал и ее, и Петровича, и некстати явившихся ментов. О том, что это он и велел жене вызвать милицию, Серега как-то забыл. У него не заводился, по неизвестной причине, только купленный мотоцикл, и ему было не до государственных проблем. Тут Людка просто озверела, она заорала не своим голосом и залилась слезами. Серега, опомнившись, понял, что вместо ужина будет у него и на первое, и на второе, и на десерт опухшая и злобная физиономия жены и посоветовал ей обратиться к Деминым. Они охотники, тайгу знают и не робкого десятка. «А вообще, – равнодушно утешил он Людку под конец, – никто туда не пойдет. Дураков нынче нет! Не под пистолетом же погоните – времена не те!»

Людка бросилась к известной в деревне семье Деминых, состоящей из одних мужиков – охотников. Но те, угрюмо, не глядя на нее, отказались. Они, все трое знаменитых медвежатников, стояли посреди избы, угрюмо хмурясь и глядя в сторону. Огонь гудел в маленькой грязной, давно не мазаной печке, отбрасывая причудливые тени на небеленые стены избышки старого Наума – самого умного и хитрого из всех людей, которых Людка встречала в своей жизни. Похожий на медведя, кряжистый, обросший согнутый старик все время молчал, перебирая желтыми от домашнего самосада руками. Умно и хитро поблескивали маленькие, глубоко посаженные глазки. Наум молчал, и все трое не знали, что сказать обозленной и доведенной до крайности Людке. «На Пьяную гору мы не пойдем, – пряча глаза, пробормотал, словно извиняясь, бывший одноклассник Людки Левка Демин, угловатый нелепый парень, со слезящимися глазами и огромными руками. – Мы не пойдем, – не проси. Говорили Ивану: не ходи, темно там, нехорошо. Не послушал. Сколько мужиков там пропало – так как же: умнее всех хотел быть!» Злые слова падали как камни, скрывая страх и растерянность людей. «Они боятся!» – изумилась Людка. Кого и чего могли бояться эти привычные ко всему мужики, каждый из которых один ходил на медведя, месяцами пропадал в тайге, и на совести каждого из них, как шептались в деревне, было не так уж и мало крови. По весне вытаивали на обочинах лесных дорог подснежники, так с жутковатой иронией окрестили местные жители трупы людей, сгинувших в зимней тайге. Золотишком ли промышляли, просто ли зашли погулять и подышать свежим воздухом, кто знает. Только никто не искал этих бедолаг. Злые языки шептали, что не только на зверя хаживала эта тройка охотников. И что встретиться с ними в глухой тайге не радостно для одинокого заезжего человека.

«Попей-ка чайку», – вдруг сказал старый Наум и встал, распрямив могучие плечи, – попей». Старик, вышел, показывая, что разговор окончен. Мужики засуетились, заваривая Людке горячий чай в старой оббитой кружке. Теплый мягкий аромат наполнил избышку. «Нет, – отодвинула та кружку, – Чаю мне от вас не надо. Чай я и дома попью. Скажите, хотя бы чего боитесь». Мужики переглянулись.

«Это ты с чего взяла-то? – пробормотал Леха. – Ишь ты какая, боимся! Ничего мы не боимся» «Ничего только дурни вроде тебя не боятся, – вдруг промолвил Михаил, вечно озабоченный, хмурый и неторопливый. – Должны ребята знать, с чем дело имеем. Пропадут там. И автоматы не спасут. А я греха на душу не возьму. Расскажите им».

«Да что рассказывать-то! – ахнул Леха, – Кто знает-то, что там в той дыре проклятой делается!» Пьяная гора пользовалась очень нехорошей славой. Место было как место. Большой черный овраг, протянувшийся километра три. Поляна, осыпь каменистая, скалы. По дну оврага бежал ручей с удивительно чистой и вкусной водой. По склону росли тихие рябины, осенью усыпанные красными гроздьями ягод. Зимой эти гроздья пламенели на чистом, серебристом снегу, выделяясь яркими пятнами среди вечно мрачных пихт и елей. Место и тогда было страшноватое. Спустишься сюда водички попить, или отдохнуть. И начинает мерещиться, будто кто-то из темной чащи таежной смотрит на тебя странным заволаживающим и недобрый взглядом. Оторопь брала ничего не боящихся таежников. И еще говорили, что, будто стоит задержаться здесь, как начинает тебя кто водить по тайге, и голосок такой страшненький, сладенький уговаривает, будто плачет кто в лесу, ребенок не ребенок, тоненький голосок, девичий, жалобный. Только жуть от него такая берет, что второй раз редко кто возвращался водички сладкой попить. А вода целебная была. Говорят, кто ее попил прямо из ручья, от многих болячек избавлялся. И еще. Никакая техника к тому месту не могла подойти. Ломалась. Маз ли, бульдозер, трактор любой. Как черт путал. Глохли. Один раз в бывшем еще леспромхозе новый крутой директор приехал. Наорал на мужиков, решил, было, невиданное для тех мест дело сделать: аэрофотосъемку с вертолета. Говорили ему: не надо над урочищем летать бы. Так не послушал. Может, конечно, и неполадки, какие были в этом вертолете, только в самый раз над урочищем и заглох мотор. А что самое главное: не нашли ни вертолета, ни ретивого директора.

Сгинул. А ночами над оврагами и стали видны блуждающие огни, И голоса слышны, будто плачет кто, жалуется, И от голосов тех люди как с ума сходили. Только больше никто оттуда живым не вернулся. И те, кто искать пошел, следом сгнули. Но времена настали смутные, людей убивали в Чечне, горячих точек наплодилось больше некуда, и жизнь человека дешевле копейки стала. Никто никого не искал. Вот с тех пор, кто поумнее, обходили то место проклятое. Даже говорить об этом боялись, считалось, что беду накличешь. Людка знала все это, и ничего нового не сказал ей охотники.

Как-то раньше ночью Людка рассказывала Сереге про все эти ужасы. Серега зло сверкнул на жену волчиным взглядом и высмеял ее.

– Байки это, только сочиняет их не дурак. Очень не хочется кому-то, чтобы народ туда ходил, – пояснил он жене. – Раньше там золото мыли, шурфы заброшенные по всей Горе. Провалились в такой – сроду сам не вылезешь. Вот и пропадают люди. Дураков всегда хватает.

Людка мужа боялась. Баба она была вредная, скандальная. От ругани получала огромное удовольствие, ругалась с наслаждением и почти всегда выходила победительницей из любой ссоры. Она напоминала хорошо оснащенный, отмытый и принаряженный бульдозер. Но достаточно было Сереге сверкнуть в ее сторону прозрачными кошачьими глазами, как она тут же затихала и делалась тихой и ласковой, как котенок. Страх этот крепко сидел в ее душе после того, как она увидела мужа в сарае, когда он точил нож, которым колот свиней. Холодный блеск острого лезвия отражался черной пустотой в его глазах. Он поднял голову, глядел на нее и не видел. Из глаз Сереги, бездумно уставившегося на обмершую от непонятного ужаса Людку, глянула смерть. Она на цыпочках вышла из сарая, но этот его мертвый взгляд забыть не могла. Остался он у нее где-то под сердцем кусочком колющего льда. Только в порыве отчаянной злости Людка забывала об этом, и остановить ее тогда было просто некому.

– А директор пропал с вертолетом, не нашли же! – робко возразила она тогда мужу. – И вой там слышали.»

– Как же, пропал! – потянулся всем телом Серега, – нужны мы ему! Поди, полетал на вертолете, дурь потешил, и загулял там. А к нам просто не вернулся. А вертолет пропил и слинял от греха подальше и от твоей любимой милиции. И вой твой дурость. Сроду ничего не слышал. Скорее всего, ветер в камнях воеет. Выдумают тоже! Вот народ!

Спорить с мужем Людка не стала: себе дороже – но осталась при своем мнении. Она твердо была уверена, что дыма без огня не бывает, и просто так говорить не станут.

Детей в деревне матери пугали горой. И осталось у нее неясное ощущение, что не все рассказали ей необычно тихие и неловкие мужики. Уж больно старались они убедить, что не могут они идти в тайгу, уж очень старательно прятали глаза, и странно неловким были паузы, возникающие при этом странном разговоре. Сельские, только услышав про Пьяную Гору, отказывались наотрез. В проводники Людка, подумав и посоветовавшись с бабкой Марьей, отрядила деда Цвигуна, соблазнив его бесплатным спиртом, которым, (так, во всяком случае, врал представительница власти), его сутками будут поить благодарные стражи порядка. Дед, по ее мнению, он был неправильный, и на деда походил с большой напругой. В Людкино пламенное вранье он вряд ли поверил, но, на удивление, согласился идти. После разговора с чертовым дедом у нее осталось тяжелое и неприятное чувство, которое изрядно портило ей настроение. Добавил яду Серега. Услышав, кто идет проводником с милицией, он изумленно уставился на обрадованную и гордую собой жену, а затем длинно и вычурно, совсем без причины злобно выматерился.

Молодые парни в камуфляже, в черных бронежилетах гулками молодыми голосами, смехом и здоровым русским матом разогнали, было, стылую жуть, нависшую над деревней.

Ребята шли привычно быстро легким пружинистым шагом, по-хозяйски раздвигая густую траву, настроено вслушиваясь в безмятежную таежную тишину. Впереди вышагивал дед Цвигун, лицо его было невеселым. Он начинал подозревать, что со спиртом его

крупно надули и что попал он как кур во щи в какую-то непонятную и чреватую неприятными последствиями историю. Слава богу, что лес вокруг знал как свой огород. Стоял июнь. Снег в мае сошел стремительно, и почти сразу на смену весеннему ласковому теплу пришла страшная, невиданная в этих краях жара. Дорога узкой твердой лентой извивалась между поросшими лесом горами, затянутыми мягкой голубой дымкой. Она была укатана жарой, широкими колесами машин, искорежена тяжелыми гусеницами тракторов. Солнце, только поднявшееся над тайгой, светило ласково. Яркой зеленью сверкал лес, весело гудели провода высоковольтки, вдоль которой шла лесная дорога. Влажный теплый ветерок ласкал кожу, пьянил и кружил голову сладкий густой воздух. Веселый гул полного жизни леса окружил идущих людей. Звонко заливались иволги, задорно трещали сойки, зазывно куковала неизвестно откуда взявшаяся в это время кукушка, озабоченно жужжали шмели, перелетали бабочки.

– Куда идем мы с Пятачком? – радостно заорал маленький, юркий с задорно блестящими глазами паренек, бодро шагающий за проводником. Его покрытое бесчисленными веснушками некрасивое рыжее лицо удивительно украшала открытая добродушная улыбка. – Ну и воздух у вас тут, дед, я прям пьяный стал. Счас спою!

– Пой, если душа просит, – скупое и неохотное улыбнулся в ответ проводник, – Что ж тебе не петь: молодой, здоровый и живой! Пой, пока поется.

– Мрачный ты, какой то. Слушай, дед, я тут у вас липовую рощу видел. Откуда в этих краях липа? Она ведь тепло любит.

– Да бог ее знает. Растет и растет. Бабы цветы сушат на чай, опять же для пчел хорошо. Липа, она королева медосбора. Мед липовый вкусный, хоть с таежным и не равнять.

– Мед я люблю, – радостно поддержал разговор паренек. Меня Олегом зовут. А много у вас пчел?

– Раньше много было, считай в каждом дворе пасека, и не маленькая. Леспромхоз много леса валил, на вырубках медосбор хороший был. Сейчас не то. Зарастают вырубки. Опять же клещ.

– Клещ? У меня дед пасеку держал, я мед в сотах люблю, так он тоже про клеща базарил, – подал голос идущий за Олегом тонкий, гибкий и подвижный, как змея, с такими же холодными неподвижными змеиными глазами, чем-то смахивающий на еврея, сержант, которого все называли Греком. Клички здесь были почти у каждого, и отзывались на них охотно, без обиды. По имени, как понял Цвигун, звали только Олега. Парень был только что из института, где изучал филологию, от армии удалось на время открутиться – в семье он у матери был один, в милицию попал по блату. Хорош блат. Над Олегом посмеивались, но не зло.

– Клещ, он для пчелы первый враг, из пчелы гемолимфу высасывает. Вроде вампира. Вцепится в нее и живет на ней, – пояснил польщенный вниманием Цвигун.

Эй, академики! Что за гемолимфу? – отозвался на разговор худощавый и быстрый как кошка, с отливающей вороненой синеваой кудрявой гривой волос милиционер, которого, видимо, за волосы и прозвали Вороной. Слушали его в небольшой группе не меньше командира. Ничего хорошего, когда в стае два вожака, – подумал, заметив невольное соперничество, Цвигун, но ответил охотно: У пчелы это вроде крови».

– Паразит, словом, – констатировал Ворона, бодро вышагивая по хорошо утоптанной дороге, и задумчиво добавил: Как у людей получается: Кто-то пашет, а кто-то сидит на нем, соки тянет и жирует. А революцию маленькую или переворотик слабо пчелкам сотворить?

– Ишь большевик, какой выискался. У нас поначалу, как гадость эта появилась, целые пасеки жгли. Сейчас таблетки всякие, лекарства есть. Лечат пчелу. Сама – то она, матушка, себе помочь никак не может, – важно пояснил Цвигун.

– Да, дед, вы тут как в раю живете: Тишина, покой, свежий воздух, медок. Сами себе власть. – неожиданно зло сказал Ворона.

– А я бы спятил здесь, – примирительно засмеялся Олег, – скукота!

– Каждому свое, – нехотя ответил дед, искоса поглядев на потемневшего от непонятной злости Ворону, – Городскому человеку дико здесь. – Цвигун поправил на плече ружье и потрогал рукой патронташ на поясе.

– Нет, а интересно, документы у тебя, божий человек, на карабинчик имеются? И где же ты, болезный, деньги на такое ружьишко взял? От пенсии по рублику в банку стеклянную откладывал? – не успокаивался Ворона, – Я ведь примерно знаю, что за ружьишко то у тебя. Документики покажи!

В воздухе повисло недоброе напряжение. Проводник не казался напуганным, но на его лице мелькнула и пропала холодная усмешка.

– Есть, все у нас есть. Дальше – то, как – сами пойдете?

– Храбрый дедушка? Так и мы не лыком шиты, – отодвигая Грека, двинулся к старику омоновец.

Движения старика стали расслабленными и мягкими, казалось, что его кости превратились в желе. Он не замедлил шаги, даже не дрогнула худая, немного сгорбленная спина.

– Не шутил бы ты так, парень, страшно же.

– Отставить! – коротко скомандовал командир Вороне и с плохо скрытой неприязнью обрубил, – Успеешь, права покачать – нашел время и место! И ты, дед, не зарывайся. Больно много вы здесь воли поимели. В город бы вас!

– Что город, что деревня-жизнь она везде по одним законам сложена. Только в городе вы друг перед дружкой выражаете, крутых и продвинутых из себя корчите, а здесь ты чистенький, как голый, не прикинешься. Шелуха городская быстро слетает. Тайга брехни не любит, – спокойно, как ни в чем не бывало, ответил Цвигун, глядя на спутников безмятежными добрыми глазами.

Ворона обозлено молчал. Не нравился, ох, как не нравился ему этот непохожий на старика дедок. От одного взгляда на него мурашки по коже. В оба надо смотреть за ним, это ясно. Он отодвинул удивленного Олега и пристроился сразу за проводником. Цвигун сделал вид, что ничего не заметил, и на подозрительные колющие взгляды не реагировал. Он вдруг свернул в сторону от наезженной дороги: еле заметная в густой траве уходила в лес тропинка.

– Курорт кончился, ребятки. Теперь нам сюда.

Дальше шли молча. Идти стало тяжело, солнце нещадно грело, откуда-то появились тучи паутов, которые с противным надоедливым гудением яростно накинудились на людей. По примеру деда они сорвали пучки травы и начали яростно стегать вокруг себя, пытаясь отогнать лезущих в глаза и горло насекомых. Над глазом у Олега наплывал лиловый синяк, у Грека медленно надувалась губа. Плотной стеной поднималась трава выше человеческого роста, густо переплетенная с кустами малины, кислицы, толстой сочной пучкой. Тропинки было почти не видно. Было душно, жарко, влажно.

– Ты, дед, дорогу точно знаешь? – яростно отмахиваясь от паутов, спросил Олег, – а то заведешь нас куда Макар телят не гонял.

– Видишь на деревьях затесы? Любая лесная дорога с затесов начинается, – откликнулся Цвигун.

На толстом стволе пихты, на которую указал он, и, правда, виднелся след от топора, которым небрежно тукнули по стволу. На ней застыла золотистая капелька смолы.

– Лесная дорога тоненькая и узенькая, ненадежная она и недолговечная, если по ней люди ходить не будут – враз зарастет, – дед говорил легко и быстро, дыхание было ровным и спокойным, точно он не километры по тайне наматывал, а по своей ограде ходил.

– А люди траву притопчут, примнут, ягоду придавят, кусты вырубят – вот и тянется тропа. А ты, парень зря не болтай, силы береги, – оборвал попытку Олега завести разговор Цвигун.

Мягко пружинил под ногами мох, на котором валялись сухие растрепанные еловые шишки, нападавшие с взлохмаченных нерадостных елей. Изредка попадались кедры, но редко. Настоящий кедровник был впереди. Кедр был здесь хозяин тайги. В густой темно-зеленой сочной хвое созревали смолистые шишки, кормившие половину тайги.

– Через месяц, не раньше, шишковать будем, – подумал дед Цвигун.

Олег стукнул ногой по толстому шершавому стволу. Даже не дрогнули его разлапистые пушистые ветки.

– Ноги зря не бей, – буркнул, вытирая пот с лица, Грек, – каратист!

Впереди что-то гулко хлопнуло, тяжело зашумело в ивняке. Огромная темная птица перелетела через тропу, села на сухой пенек и внимательно посмотрела на людей. Глухарь.

Кто-то бросил в птицу шишкой – она, хлопая крыльями, тяжело полетела вглубь леса небольшими перелетами, мелькая среди яркой зелени черным с синими переливами опереньем. Лес стоял гулкий, звонкий, напоенный жаркими сладкими запахами разогретой хвои, цветов.

Тропинка вильнула в густой бурелом, пришлось продираться с треском через тонкие, сухие, колющие ветки поваленных деревьев. Цепкие сучья цеплялись за одежду, норовили попасть в глаза.

Милиционеры глухо поругивали дорогу. Они все шли, шли, шли. Ветер шумел в вершинах деревьев, далеко разнося стук дятла, где-то протрубил изюбр, призывно куковала кукушка. С дерева на дерево перелетали маленькие, похожие на белок, полосатые зверьки. Они садились на сучки и с интересом наблюдали за путниками.

– Что уставился? – буркнул одному из них Олег, – сейчас как пальну!

Поняв угрозу, бурундучок, словно подхваченный потоком воздуха, метнулся и исчез за деревьями. Надоедливо, вразнобой орала сойки, трудолюбиво стучал дятел, радостно заливалась иволга. Тайга, тайга... Куда ни глянешь, на сотни километров одна тайга, шумная и молчаливая, полная жизни и равнодушная. Тропинка вывела к ручью. Вдоль его непрочных берегов, густо покрытых тальником, рос мелкий кустарник, обильно разрослась крапива. Парни облегченно сбросили рюкзаки, упали в траву, бездумно глядя на редкие облака на бездонно-синем небе. Вокруг, куда ни глянь, безбрежным темным морем тянулся смешанный лес, радующий глаз буйством красок, всевозможными оттенками зеленого цвета.

Олег лег на живот, жадно припал сухими губами к темной прозрачной воде, вытер лицо и тоже упал на траву рядом с дедом.

Нехотя по команде встали и снова шли молча. Опускался вечер. Тоненько и нудно запели комары, зазвенела невидимая мошка, обжигая лица ядовитыми укусами. Холодила тело взмокшая от пота одежда, невыносимо зудели руки и лицо. Нервная и физическая усталость стала вырываться злобной руганью, закипавшим напряжением. Идти стало совсем тяжело. Почва под ногами вдруг начала пружинить, под тяжестью ступавших на нее людей из нее выступала вода. Бурой, пахнущей плесенью жижи становилось все больше, она стала заливать ботинки. В сырой обуви противно чавкало.

– Эй, Сусанин, ты куда нас ведешь? – раздраженно спросил, ожесточенно отбиваясь от комаров, яростно хлеставший себя пучком вялой облезлой травы Грек, – Как раз в болото и завел!

– Куда просили, туда и веду, – ровно сказал дед, – не болото это, так – согра. Болото левее. Его ты так просто не пройдешь. Там и сгинешь – с собаками не найдут.

– Ой, как страшно, – неуверенно съязвил Грек и, раздирая горевшее огнем лицо грязными липкими от смолы пальцами, поинтересовался:

А на ночлег нам не пора? Жрать охота! Да и темно скоро будет.

– Место для ночевки нехорошее, сыро, и воды нет. Здесь недалеко переночуем! – неопределенно махнул рукой дед, как-то растерянно озираясь вокруг. На его лице появилось какое-то неопределенное, жалкое выражение.

– Темнишь ты что-то, – жестко сказал Ворона. Его одного почему-то не ела мошка, и выглядел он уверенно и свежо, как будто позади не было дня тяжелой дороги. – Смотри, дед, я тебя насквозь вижу – ты с нами шутки не вздумай шутить. Я за тобой иду. –

Он неторопливо взвел курок:

– Шаг вправо, шаг влево – тебе каюк!

Цвигун, не отвечая, и не глядя в его сторону, двинулся вперед. Вышли на сухое место, сели на поваленное, покрытое седоватым мхом дерево, сняли ботинки, раздраженно ругаясь выкручивали мокрые, грязные носки. В лесу сделалось совсем тихо. Тяжело дыша, они невольно слушали ровную тишину.

– Ребята, это еще что? – свистящим шепотом спросил Грек, – Вы слышите? Что еще за хрень?

Где-то совсем рядом их напряженный слух уловил четкие отрывистые звуки. Стук-стук, стук-стук, – словно от нечего делать стучал кто-то палкой по стволам деревьев. Сквозь ставший привычным мерный ровный шум тайги эти странные звуки, доносившиеся из глубины потемневшего леса, казались жутковатыми. Протяжный жалобный стон, перешедший в глухое бульканье и шипение, отозвался холодным ознобом у затаившихся людей.

– Это еще что? – свистящим шепотом спросил командир, здоровый крепкий мужик с густым могучим голосом и неожиданно мягкими вальяжными движениями. На первый взгляд его в отряде не было ни видно, ни слышно. Но он умел сохранить последнее слово за собой, и слушали его здесь беспрекословно. Поход давался ему нелегко, лицо покраснелось, на лбу выступили крупные капли пота, он то и дело вытирал их подрагивающей рукой. Комары и мошки, полюбившие вкус командирского тела, стояли над ним темным гудящим столбом. В отряде обращались к нему по-домашнему: Потапыч.

На вопрос его никто не ответил. Дед казался озабоченным, но неопределенно пожал плечами. Он осторожно прижал палец к губам. По тайге кто-то шел. Шел свободно, не хоронясь, по-хозяйски.

Осторожно, стараясь не звякнуть, они достали оружие и напряженно всматривались в густую зелень. Скрип сухого валежника и шум раздвигаемых кустов слышался буквально в двух шагах. Ребята молча ждали. Кусты раздвинулись, и прямо на застывших в напряженном ожидании людей глянула черная безглазая и безногая жутковатая харя. На месте рта торчал беловатый отросток, из которого вдруг грустно и плачуще забулькали и захлебнулись странные звуки.

– Мама! Мама родная – выдохнул Олег, – Леший! Хана нам, ребята!

Леший между тем перестал булькать и плакать, вполне человеческой рукой поправил странное сооружение на голове, отдаленно напоминавшее старую плетеную шляпу с пучком травы на боку, вытащил клык из пасти и неожиданно молодым и сильным голосом крикнул им навстречу: «Эй! Кто там шепчется? А ну выходи!» У замерших от неожиданности людей, словно пелена спала с глаз. Раздвигая траву уверенной рукой, прямо на них шел невысокий в невероятной шляпе с густой черной сеточкой на лице, в серой обожженной штормовке и брезентовых штанах жилистый мужичок. Он поднял сеточку, и на смуглом лице задорно и молодо заблестели яркие карие глаза.

«Эй! – радостно вскрикнул дед Цвигун, бодро вылезая из кустов, – Вот так встреча! Здорово! Выходи, ребята, это наши! Брат Кондрат собственной персоной! А мы думаем, кто это тут воет?» Дед залился мелким деланным старческим смешком: «А это что у тебя?» Кондрат хмыкнул, вытащил из кармана белый зуб: «Свистулька! Выстрогал – вот и забавляюсь.

Потеха!» И прислонил игрушку к губам. Заунывное бульканье, прерываемое протяжным свистом и плачем, полилось снова.

– А ребята тебя, однако, за лешего приняли, – проникновенно сказал Цвигун, пытаясь заглянуть неожиданному гостю в глаза. Тот поправил сетку на голове и улыбнулся неожиданно открытой и радостной белозубой улыбкой, осветившей обветренное лицо с низко нависшим над узенькими раскосыми глазами тяжелым лбом.

– Это что за десант? Куда это вы с пушками? Никак террористов ищите?

– Потом, устали ребята. – и, повернувшись к молчащим омовцам, дед объяснил: – Это Кондрат. Пасека здесь у него. Там и заночуем. Веселей, ребята!

Он зашагал рядом с незнакомцем. А ты, значит, держишь все-таки пчел здесь. Все не сидится тебе дома старому. А я заплутал немного. Слава богу, что тебя встретил.

Кондрат легким скользящим шагом неторопливо шел впереди.

– Привык, знаешь, как магнитом весной тянет.

На густые заросли медленно опускался вечер. Небо вспыхнуло, подсвеченное багровым светом заходящего солнца. Клочками наплывали облака на странно светлое на фоне темнеющей тайги небо. Кое-где вспыхивали звезды. Впереди стальной лентой блеснула река. Еще немного – и они вышли к небольшому озерку с серебристой водой, кое-где покрытой зеленой ряской. Хрипло покрякивая, плавали утки. Берега озера заросли тальником и осокой, но у самой воды густо кудрявилась мягкая зеленая травка. Со всех сторон озеро было окружено поросшими лесом скалами, уступами, обрывавшимися к воде. Из ложбин густой ватой выползал туман. На берегу, уютно мигая, горел костер. Со звонким лаем навстречу выскочила маленькая юркая собачонка с круто загнутым в колечко хвостом. Хозяин ласково потрепал пса: «Свои, свои!». Она дружелюбно твякнула и завиляла хвостом. На огне приветливо гудел чайник. Костровище было сделано на славу. На железных, вкопанных в землю кольях крепилась такая же железная перекладина, на которой шипел, свистел и бормотал закопченный чайник. Огонь жарко лизал бока, гудел и трещал. Аккуратная глубокая канавка окружала костер. Рядом на длинных ножках стоял на диво добротный и ладно сделанный мангал для шашлыков. Вокруг костра с четырех сторон положены хорошо обструганные толстые бревна. Недалеко ровной поленицей сложены заранее заготовленные дрова.

Гости бросили рюкзаки и свалились на траву, облегченно снимая тяжелые мокрые ботинки и осматривая пасеку. Твердая хозяйская рука чувствовалась во всем. Большой зимовник для пчел был срублен вручную из заботливо подобранных одинаковых бревен, гладко обструганных и хорошо подогнанных. Клочки седого мха, которым утепляли омшаник, не торчали, а замазаны желтой глиной. Рядом пристроилась довольно большая также рубленая топором избушка, к которой прислонилась такая же добротная то ли кладовка, то ли склад. Немного в стороне на большой поляне ровными рядами сияли свежей краской аккуратно выкрашенные в голубой и белый цвет маленькие кукольные домики.

– Сколько ульев у тебя? – обратился к хозяину командир, одобрительно осматривая пасеку.

– Сейчас пятьдесят, не считая отводков, – бодро отозвался тот, подбрасывая в огонь дрова.

– Отводки – это рои?

– Не совсем рои, роения стараюсь не допускать, меду убыток. От роя толку нет, хорошо бы на себя заработал, и семья, от которой рой ушел, тоже много не даст. Ну, если пчела не слушается и все равно собирается роиться, тогда отделяю отводок.

А что? – вмешался в разговор Ворона, – она и слушаться может? Она ж насекомое!

Кондрат скупно усмехнулся: «Знать бы, кто мы на этой земле так же уверенно, как ты про это говоришь, паренек».

– А как ты вывозишь их, на чем?

– Зачем вывозить? – удивился пасечник, – здесь они и зимуют, в омшанике.

– А мед чем переправляешь? На вертолете?

Вначале во флягах храню, а к концу сезона на трелевочнике. – не замечая иронии, спокойно ответил Кондрат.

– Дорог мед? Оптом сдаешь или как?

– И оптом тоже. Только невыгодно это. Оптовики цену вдвое сбивают. Наш мед он степному не чета. Пчелка его по капельке собирала с цветов, с разнотравья. Экологически чистый. Он как живая вода. Опять же цвет и запах. К нам за медом, считай, со всей области ездят. На кусок хлеба хватает.

Дед Цвигун хмыкнул: «Про масло забыл сказать».

Пасечник недобро усмехнулся: «А ты что, налоговая, доходы мои считать? И на масло остается. Пчеловоды бедно не живут».

– Ребята, – остановил он потянувшихся к мешкам милиционерам, – Харч не доставайте, у меня хватит.

– Михалыч, – обратился он к Цвигуну, – там, в избе, у окна, в ведре мясо на шашлыки маринуется, а шампура на полке над ним. Несите. Пока ребята в баньку сходят, как раз подойдет. И медовуха у меня тоже имеется.

Услышав про баню, парни ожили.

– У тебя и баня есть? – спросил Потапыч, озираясь.

– А то как же! В тайге как без бани? Она и вылечит, и согреет, и опять же телу приятно.

Кондрат оказался еще не старым мужиком с тонким сильным телом, гибким и стремительным. Он напоминал чем-то ласку – маленького лесного хищника, невероятно осторожного, умного и хитрого. Эта крайне симпатичная зверюшка своей свирепостью и кровожадностью вряд ли уступит волку. Так и пасечник был приветлив, в меру добродушен, но простачком не казался даже с натяжкой. Из глубины его ярких глаз проглядывала сила и недюжинный ум.

– Я дровишек подкину, – дружелюбно кивнул он, – а вы похозяйничайте здесь.

И скрылся за кустами.

– Дед, что за мужик? Он, может, знает про наше дело? – спросил командир, чиркнув зажигалкой и с наслаждением затягиваясь.

– Может и знает. Кондрат всю жизнь в тайге. Его здесь на тыщи километров каждый куст за своего держит. Вот вы его давеча лешим прозвали, так не сильно ошиблись. Если не леший, то в заместителях уж точно не первый год ходит. Он много чего знает. Только как ты думаешь, почему он при всем этом до сих пор живой? – блеснул на него глазами Цвигун. От холодного и умного взгляда старика, Потапыч поперхнулся дымом. Дед хмыкнул: «Молчит – вот и живой. Мы к нему пришли, до нас кто-то был, иначе, откуда мясо на шашлыки? Сам Кондрат редко охотится, уток стреляет, рыбу ловит, силки на зайцев и рябчиков ставит, а крупного зверя не берет. А тут вдруг оленина. Чтобы изюбра взять, надо охотником от бога быть. Он любителю не дастся. Чуткий и осторожный зверь. Хороший мастер здесь перед нами побывал. Только не спрашивай, все равно без толку. Кондрат никому ничего о своих гостях не скажет. А наезжать не стоит. Ты не смотри, что он добренький. Показуха одна.»

– А не любишь ты его, – лениво отмахнулся от надоедливой комара Потапыч.

– Ага! А вы друг дружку, прям, так любите, что хорошо бы всем живыми дойти. Братья да и только. У нас счета старые, вы к ним отношения не имеете. Не касается это вас, ясно?

– Да не горячись ты! Он что, немец?

– Это еще с чего? Самый русский и есть. Из кержаков.

– Уж больно порядок у него здесь. Вон и трава низенько скошена, аккуратно, будто на газоне. Стерня ежиком торчит.

– Нет, он сам в старой вере крещеный, и родители у него тоже старообрядцы. Ты Россию лапотную с нами не ровняй. Здесь Сибирь. Народ совсем другой. Немцы нам не указ, мы и не таких видали.

Отвернулась Россия от старой веры, сошла с дороги, вот и нет у нас удачи. За старое предательство расплачиваемся. И тут грехи не замолишь.

– Никуда от политики этой не денешься, – подумал Потапыч.

Дед разгорячился: Ты головой не кивай, защитником Руси-матушки кто перед богом? А Дмитрия Донского кто благословил? Сергей Радонежский. И позвольте вас спросить, как крестился он? Да двумя пальцами! И где вера истинная? Вот вы большевиков за церкви поруганные браните, а что ж Петра Великим прозвали? А это он из церкви и священников, которым о душах людей думать надо, стукачей наделал, и святую церковь на посмешище выставил. Вот и не стало веры. И не вернуть ее теперь, если в душах пусто. Вот от обиды той великой и плевал народ в революцию и на церковь, и на служителей ее тоже. Я вон в школе слышал, учительница стихи читала, сильно мне понравилось: «Пальнем-ка пулей в святую Русь». А мы как молились уже не первый век, так и молимся. И не захлебывается здесь русский мужик самогонкой. И детишек в канализацию не бросаем.

– Да уж чего-чего, а святости здесь хоть отбавляй. И мы тут, наверное, грибочки собираем. – оборвал совсем уж нелепый спор командир.

Незванные гости рассыпались по пасеке, рассматривая лесное хозяйство.

– Эй! Ребята, да тут у деда и радио, и телевизор, и музыкальный центр, электростанция своя, простыни с наволочками, и припасов на роту. Год отсиживаться можно! А медовухи! Вот житуха в тайге! Чистый курорт!

– А то, как же! – откликнулся вышедший из кустов Кондрат, – Мы не нищие! Опять же люди добрые не забывают. Идите – готова банька. Мыло там есть, порошок стиральный носки постирать тоже, обувь вымойте, у меня сушилка электрическая есть. Тяжело в мокром – то.

Скоро тихое лесное озеро было разбужено радостным уханьем и криками ребят, выбегающих из разогретой бани и с разбегу бухающих в прохладную темную воду.

– Ну и баня у тебя, хозяин, – довольно прихлебывая обжигающий, с ароматом мяты чай, сказал Грек, – Прямо для министров. Здоровая, жаркая, дух в ней легкий. А веники, почему пихтовые? Парятся обычно березовыми.

– Бабы березовыми вениками парятся. Мужскую силу дубовый веник дает или хвойный.

– Как заново на свет родился! – радостно заявил Потапыч, тяжело бухаясь на траву у костра и вытягивая ноги.

– Хлебни, начальник, – протянул большую кружку Кондрат. В ней отливал золотом густой пахучий напиток.

Медовуха! – коротко пояснил он, – ты пей, не сомневайся, на натуральном меду приготовлена и на хмелю настояна. Вон, ребята уже оценили. Предки наши очень уважали.

От терпкого сладкого питья по телу разлилось тепло и удивительная легкость. На душе стало хорошо, спало напряжение трудного дня.

Бархатная, мягкая и теплая опускалась ночь. Шашлыки из удивительно мягкого и нежного мяса на длинных проволочных шампурах, отдающие дымкой и пропахшие свежим таежным воздухом, были невероятно вкусными. Разогретые баней, медовухой, хорошей сытной едой, все дружно сидели на бревнах у костра, бездумно глядя на огненные переливы и слушая его успокоительный треск, от которого шел уют и покой. Удивительно безопасным и тихим казалось это уединенное место, отгороженное от суеты километрами непроходимой тайги, с его заботливым и приветливым хозяином, с темными силуэтами построек на большой поляне, ровными рядами мерно гудящих ульев, пропахших медом. На засыпающем лесном озере покрякивали дикие утки, и пенилась вода от множества рыбьих спин, и тихо плавали белые лилии.

– На Пьяную Гору, значит, идете, – продолжая начатый разговор, задумчиво сказал хозяин, – Не вернулся, выходит, Иван... И словно решившись, обратился к Потапычу: Был он у меня, заходил на пути к Горе.

– И что? – осторожно спросил тот, – говорил что-нибудь?

– Нет, да я и не спрашивал. Он смурной был, сам не свой. И, помолчав, добавил: Напуган Иван был добре.

Дед, поерзав по бревну, поинтересовался, глядя в сторону: «А сам то что думаешь? Ты ведь там пасеку держал.

– Ничего я не думаю, – ушел тот от разговора, – а пасеку я рядом с Горой ставил и, правда, на акацию. Чудные там дела. Оставил я племянника сторожить с дружком (медведь рядом ходил, не бросишь пчел – разорит), а сам ушел за харчами. Две ночи не было меня. Иду утром назад, а дождь страшный хлынул, стеной стоит, аж сизо все от воды. Я под пихтой схоронился, жду, когда дождь утихнет. Гляжу: плетутся по дождю мои сторожа чуть живые.

– Почему пасеку бросили? – спрашиваю, – Ушли почему?

Племянш мой паренек местный, не робкого десятка, тайга ему дом родной, вырос в ней, а тут лица на нем нет.

– Всю ночь, говорит, ходил кто-то вокруг. Да до того страшно стало, что и костер не спасал. Они и стреляли, и кричали, и шумели. Думали медведь. Если зверь, какой, то ушел бы. А тут собака рвется. Кидается в палатку под ноги, прячется. А ты мою лайку знал, на медведя с нею ходил. А утром она опять за свое. Шерсть дыбом, пена из пасти, хрипит вся, трясется. Они ее отпустили, а она напрямиком в сторону горы как кинется! И пропала. Весь день, считай, и не было, как ни звали, а искать побоялись. Ночь наступила – они костер разожгли, спать боятся. Плохо без пса. И опять все им кажется, будто глядит кто-то из темноты. То ветка там хрустнет, то зашуршит под кем-то трава. А потом вдруг залаял Бой, завизжал. Метров сто или двести от костра. Да так страшно завизжал, что у ребятешек волосы дыбом стали. И визг этот страшный, захлеб, как человек кричал Бой.

Я говорю: может, медведь задрал? Бывает и такое, хоть и нечасто. Миша – зверюга хитрая. Отмахнется от собаки и уйдет восвояси.

А на них лица нет.

– Не медведь, – бормочут, – он бы сразу задавил, а тут Серый долго визгом исходил.

Как я их не уговаривал, не захотели назад вернуться.

– Мы, говорят, – такого страху за всю жизнь не переживали. Хватит с нас! И ты не ходи сам. – Он помолчал, поворошил угли в костре. – Ну я вернулся, куда деваться, там же пчелы, не бросать же их. Пришел. На пасеке тишина, все в порядке. Собаку я по следам нашел. – Кондрат замолчал, сплюнул на землю.

– И что? – тихо спросил Олег, – что нашел – то?

Собака моя висела на дереве изрезанная вся, изуродованная, а вокруг следов натоптано. И следы человеческие. Выходит, не медведь вокруг пасеки ходил. Пацанов-то моих, может, бог спас. Вот так. – Кондрат замолчал.

– И кто ж это? Я такого и не слышал сроду, – недовольно спросил дед. То у нас в деревне котов помордовали, то у тебя собаку. Так и до людей дело дойдет.

Хозяин искоса глянул на него: А, может, и дошло уже?

– А смысл, какой во всем этом? – вмешался в разговор высокий с тонкими интеллигентными чертами лица и мягким глубоким голосом милиционер, которого все величали Александром Васильевичем. – Смысл какой? Маньяк что ли?

– Может и так, – подумав, сказал Потапыч, – в городе есть, и тут, выходит, завелся. А может и еще что-то. Не наше это дело. Нам сказали прочесать Пьяную Гору и доложить, что видели, вот и будем выполнять. А там начальство пусть думает, кто у вас тут собак живьем свежует. Могли бы и на вертолете подбросить.

– Негде там сесть вертолету. Скалы там, поляны шурфами изрыты. Золотишко мыли когда-то. «Опасное место, – заметил дед.

– А откуда ты знаешь, что я пасеку на Гору ставил, я вроде никому не говорил, – глядя в сторону, тихо спросил Кондрат у Цвигуна. Тот смешался: «Не помню, говорил кто-то». Он широко зевнул: «Давайте спать, ребята! Нам еще сутки топать».

– Кто говорил – не помнишь – настаивал хозяин. – И откуда про Боя знаешь, что нет его больше?

– В деревне говорили, что сдох пес, – вот и знаю.

Кондрат быстро поднялся и бесшумно нырнул в темноту. Через минуту он так же тихо появился у костра: «Я вам в омшанике постелил на нарах. Устраивайтесь, ребята, поспите. Утро вечера мудренее».

Олег встал, когда все еще спали. Яркое и праздничное, умытое росой сияло утро. Заливались птицы. Радостная, свежая, напоенная запахами цветов стояла над пасекой величественная тишина, сквозь которую пробивался ровный, могучий гул. На костре шумел чайник, шипели пышные оладьи на огромной черной сковородке, рядом на деревянном некрашеном столе стояло тушеное мясо, порезанное на крупные куски сало, лежала обильно посыпанная зеленью и залитая маслом круглая картошка, молодая редиска, в большой тарелке густо золотился мед. Олег пошел к ульям. Тучи пчел носились над кукольными домиками, между которых важно ходил, наклоняясь к ульям и заглядывая в летки, Кондрат.

– Проснулся? Ранняя ты птаха, – весело заметил он Олегу.

– Мед несут? – поинтересовался тот.

– Медосбор нынче ранний, хороший.

– А с чего несут в этих местах?

– Весной с акации и с вербы, но ее здесь мало. Потом с липы, но это тоже не здесь. А в этих местах основной мед с кипрея, с росянки, малины.

– А по профессии вы кто?

– Техникум заканчивал, геологом стать собирался.

– А почему не стали?

– Хороший ты парень, но вопросов много задаешь. А много знать опасно. Завтракать пошли, ребята поднялись.

Олег поплелся следом. Легкости и хорошего настроения как ни бывало.

Вышли ранним утром, когда солнце только собиралось подниматься из-за тайги, прощившись с хозяином и выпив на прощание по кружке настоящего хорошего кофе.

Свежесть и прохлада быстро сменились тяжелой духотой и влажностью. Идти было тяжелее, чем вчера. Лесная тропинка сплошь была в кочках и рытвинах, ветки упрямо норовили расцарапать лицо, опять налетели пауты и мошка. Дорога, как назло, то ныряла в глубокий и темный, пахнущий прелой листвою овраг, то упрямо и долго лезла на поросший лесом холм. Все шли молча. Казалось, что путь этот никогда не кончится. От мошкар не спасали и пучки травы, которыми они отчаянно хлестали себя не хуже, чем в бане.

Олег не смог бы точно определить или сказать, с какого момента у него появилось до крайности неприятное и острое ощущение чужого немигающего взгляда прямо в спину, словно по позвоночнику провели холодным пальцем. У него даже волосы на голове встали дыбом от этого чувства. Как встали, так и стоят, и мурашки ледяные по коже бегают. Он осторожно огляделся: Ничего не изменилось. Лениво поругиваясь, шли гуськом ребята, тяжело поднимая ноги в набухших проклятых ботинках. Черт бы побрал отечественную промышленность! Впереди мелкой трусцой подпрыгивал дед. Вокруг шумела тайга, сиял радостный яркий день, все дышало покоем и беззаботностью. Никто ничего не замечал и не чувствовал. Олег представил громкий издевательский хохот Вороны, ироническую ухмылку Грека, сочувственный кивок Потапыча. Маменькин сынок, какая мошка тебя укусила, на каждый куст оглядываешься! И

промолчал. Надоедливо жужжали пауты, тучей стоящие около идущих по тропе людей, от их ядовитых укусов вздувались невероятные прыщи, от влажного, пропитанного запахом хвои воздуха кружилась голова. Одежда прилипла к телу, пропиталась вонючим потом. Дорога петляла то вправо, то влево, то в гору, то вниз от одного холма, покрытого мягкой густой шапкой леса, к другому. Напряжение не покидало Олега, сколько он себя не уговаривал. Ему казалось, что он слышит осторожные шаги, треск сухого валежника под ногой невидимого преследователя. Рюкзак казался все тяжелее. За последним холмом открывался затяжной извилистый спуск в широкую долину, размытый недавними дождями.

– Слушай, Олежка, ты, что как чужой стал? – от хриповатого голоса Вороны он вздрогнул. Тот догнал его и пошел впереди, оглядываясь на каждом шагу.

Знаешь, – решил Олег, – кажется мне, будто идет кто-то за нами, вроде как следит... Глюки, – и он засмеялся деревянным смехом.

– Глюки, говоришь... То и оно, – злобно скривив рот, прошипел Ворона, – Если у одного, то, может, и глюки, а у двоих – это уже факт! Я как с пасеки вышли, чую что-то не то. Не одни мы, рядышком идет за нами кто-то.

– Давай Потапычу расскажем, – предложил Олег.

– Что расскажем? – хмыкнул Ворона, – Что нам что-то кажется, как бабам беременным? Он и так из-за старого хрыча на меня волком смотрит. И слушать не станет. Слышь, ты вправо гляди и назад оглядывайся, а я влево и вперед. Что увидишь – толкни.

А ничего не увидели. И, будто кто-то подслушал их разговор, сразу отпустило, полегчало.

– Эй, Пастернак, ты куда? – насторожено окликнул Грек Олега, сейчас привал!

Тот отмахнулся. Попало что-то в ботинок и натерло ногу. По голосам впереди он понял, что те тоже решили передохнуть. Он переобулся и, тяжело переводя дыхание, бездумно смотрел на усыпанную хвоей землю, пока не понял, что перед ним четко отпечтался след огромного сапога, который никак не мог принадлежать ни ему, ни его спутникам. И след этот был четкий и свежий. Кто-то прошел прямо перед ним, и, наверняка, сейчас недалеко от него. Олег осторожно потянул из кобуры оружие. И тут впереди качнулись кусты, и темная фигура шевельнулась в нескольких шагах. Человек, стоя к нему спиной, внимательно всматривался вперед. Олег, не помня себя от страха, метнулся в сторону и нырнул в густые заросли папоротника позади росшей прямо перед ним старой, наполовину высохшей пихты. Он прижался к влажной, пахнущей грибами земле и стараясь унять гром сердца, осторожно выглянул поверх торчащего прямо перед ним гнилого и трухлявого пня, по которому шустро сновали рыжие муравьи. Человек насторожился, хищно повел носом, шумно втягивая воздух. Олегу вдруг показалось, что он слышит сопение, будто незнакомец, замерший перед ним, осторожно, по звериному, принимает к разнообразным таежным ароматам, пытаясь уловить и распознать слабый, ускользающий запах. Запах его, Олега тела. Парня вдруг сковал леденящий, безотчетный ужас. У него перехватило дыхание. Он не в силах был даже рукой шевельнуть. Впереди хрустнула ветка, зашуршали кусты. Человек, не прячась, по-хозяйски раздвигая кусты, уходил вглубь тайги. На негнущихся ногах Олег поднялся из своего убежища. От чувства страшной опасности, которой ему чудом удалось избежать, у него дрожали мелкой противной дрожью колени. Он вдруг понял, что рядом с ним постояла и посмотрела ему в глаза смерть. Олег жалко по-детски заплакал, не стыдясь своих слез, вытер глаза грязными ладонями, и, сам не зная зачем, двинулся в ту сторону, откуда несколько мгновений назад на него смотрела его смерть. Странный стоял тут туман. Сроду такого он не видел. Черные лохматые струйки висели в воздухе, извивались на ветру, корчились, как живые. Одна из них коснулась его кожи, и он чуть не закричал. Ощущение было таким, будто к теплому расслабленному телу прикоснулась холодная, скользкая, невероятно ядовитая змея. Укол был таким болезненным и парализующим, что, казалось, достиг самого сердца. И как ни странно запах Олег тоже чувствовал в приямой траве. Это был запах большого животного, вызвавший у него странный озноб.

– Нашел что-нибудь? – вкрадчивый голос Грека вывел его из оцепенения. Тот раздвинул кусты и, озираясь, вылез к Олегу. – Тут что, был кто-нибудь? Ты видел кого?

– Зверь какой-нибудь. Они тут почти домашние, никого не боятся. – пробираясь через тальник, равнодушно сказал Раптор, – хватит шляться, Потапыч зовет.

Олег не мог объяснить, почему ничего не сказал ребятам про неожиданную встречу. Не мог, и все тут. Чувствовал, что его жизнь зависит от его молчания, и не только его.

Солнце припекало всюду, но идти стало легче. С запада напоздали облака, подул ветерок, разогнал насекомых. Вдали погромыхивал гром. Похоже, собирался дождь. Тропа пошла под уклон. На смену пихтачу пришли густо белеющие стволы молоденьких березок, натканных так часто, словно иголки на еловой ветке.

Темнело. Ночь опускалась на тайгу медленно, меняя на глазах ее приветливый, обманчиво-ласковый вид. Угрюмо темнели пихты, устремляя в небо островерхие верхушки, мрачно стояли покрытые столетним мхом кедры. Тени становились длиннее, тьма выползала из оврагов, ущелий, тянула длинные руки к идущим людям, из ложбин наплывал густой туман. У таежного ручья, тихо струящегося между камней, остановились, развели костер. Подавленные навалившейся со всех сторон тишиной, мягкой, как вата, закладывающей уши, все молчали. Огонь жадно заглатывая сушняк, давал тепло, ощущение покоя. Закипел в котелке кипяток. Парни достали тушенку и вожделенный спирт. Дед повеселел. Горячий вкусный запах будоражил голодные желудки, еда, пропахшая дымком, казалась невероятно вкусной. Сидели, покуривали, поглядывая вокруг настороженно, переговаривались негромко. Тьма становилась гуще, смотрела тысячью невидимых глаз на горстку сидящих у костра людей. Все устали. Быстро разложили палатки, залезли в мешки, и скоро только тихий треск костра слышался у ручья.

Сторожить остался веснушчатый долговязый хохол, жующий нескончаемую жвачку, прозванный чужим именем Раптор. Раптор, нанизывая на палочку сало, поджаривал его на красном огне. Жир капал, шипя, не угли, искры сыпались на траву и гасли. Хлопец сунул в костер пихтовую ветку, та взорвалась тысячью искр, зашелестела, затрещала, извиваясь в огне. Тишина медленно наступала, а вместе с нею наступала тьма. Где-то далеко вскрикнул кто-то, ухнул, завыл. Затрещали ветки под невидимыми шагами, хрустнули сучья. Глухой странный хохот оглушил Раптора. Перепуганный парень пнул ногой прикорнувшего у костра Цвигуна. Тот спал как убитый.

– Вот черт глухой, – ругнулся сторож, схватил автомат и настороженно вглядывался в темноту. Вот зашуршали кусты. Кто-то тихо крался к спящим людям, затаив дыхание. Раптору казалось, что он слышит осторожные шаги, тяжелое дыхание, чувствует чужой недобрый взгляд.

– Эй, парень, ты чего?

От неожиданности и страха он чуть не выпустил очередь в гнилую пасть тайги.

– Слышишь, дед, вроде ходит кто-то, – тихим свистящим шепотом сказал парень, утирая холодный пот, обильно выступивший на лбу.

– Может, заяц, может волк, – равнодушно пробормотал старик, подбрасывая дров в костер.

– Да!? А ты давно здесь живешь?

– Давно. Так давно, что и забыл, с каких времен.

– Скажи, дед, а мы что ищем-то, бандитов каких что ли?

– Знать бы, легче было бы, – мудро молвил Цвигун, – Мужик пропал тут, на Пьяную Горю идем. Места глухие, люди тут редко ходят, в сторону от тропы не пройти: то деревья упавшие, то трава спутанная. Заросло все. Кержацкий приют тут недалеко был. Старики жили, померли все.

– Что за мужик? Богатей местный или в авторитетах ходил? Ты, дед, не спи, жутко мне одному.

Тайга она такая: любит пугать. Да у тебя пушка вон, какая! А мужик не богатея, вроде, и в бандюгах не ходил. Егерь местный.

– А что такое тоже бывает? Слабо что-то верится! Странный егерь этот ваш. Чтобы нас вот так, толком и не объясняя, сорвали и в тайгу кинули, черт знает, кого искать, – такого сроду не было.

– Да был звонок, – вмешался Бокал, – был, мамой клянусь. Он вылез из палатки и кинул в затухающий огонь смолистую ветку и шишку, костер весело затрещал. Сам слышал, как Потапыч ругался. Из кабинета начальства вышел, с него аж смола капает.

– Мало нам в нашем районе работы! – орал, – Так к соседям в тайгу черт знает, зачем посылают! Мало ли кто там из деревни пропал, они там пачками пропадают! И что-то раньше это никого особенно не волновало!

– Так вы что не из нашего района? – удивился дед.

– То-то и оно! Так вот, Потапыч орал, орал, а топает как миленький. Говорю вам, был звоночек. И важный звоночек, если нас вот так срочно сюда турнули. Так что пропал тут не простой егерек. За ним стоит кто-то сильненький, раз начальство наше так обеспокоилось. Ладно, я спать пошел.

Вдруг что-то ухнуло, застонал кто-то, странный глухой хохот оглушил парня, блеснули круглые огненные глаза, зашелестело в ветре.

– Филин, – равнодушно сказал Цвигун, – ты шел бы спать, я посторожу.

– Какой к черту сон, я такого страху за всю жизнь не терпел! – хрипло пробормотал Раптор, – А это еще кто?

Тоненький жалобный плач раздался совсем недалеко, внезапно оборвался.

– Заяц. Видно лиса сцапала. Страх этот не в тайге, он у тебя в душе сидит. Тайга здесь не при делах.

Ей до тебя дела нет.

Тонкий высокий звук возник где-то, пропал.

– Зверь какой что ли? – парень глянул на деда и остолбенел. Тот вдруг насторожился, ошетинился, прислушиваясь к ночной тишине. Снова повторился тот же тоненький звук, прорезал тишину и умолк.

– Человек кричит! – глухо пробормотал Цвигун, – Парень, это человек кричит! Неладно, брат, беда в тайге. Поднимай ребят.

Но те и так уже вылезли из палаток, сгрудились у костра, отгородились дулами автоматов, вглядываясь в бархат ночи.

– Слышь, командир, мне все кажется, что идет за нами кто-то, вроде следит.

– Утром узнаем! – буркнул тот.

Всю оставшуюся ночь так и просидели молча, слушая тайгу. Крик больше не повторился. Обманчивая, глубокая, как колодец тишина обволакивала, но покоя в ней не было, напротив, она скрывала непонятную угрозу.

На рассвете пошли дальше. Утро наступило сырое и бледное, промозглая сырость заползала под одежду. На кустах капельками седой мелкой росы оседал густой и белый как молоко туман. Лес здесь был другой – угрюмый, мрачный, чужой. Недобро глядели вековые ели, равнодушно раскрывали мохнатые лапы пихты. Веселые березки, тоненькие осинки, красневшие крупными гроздьями цветов рябины не веселили глаз. Мрачная это была красота, не было в ней тепла, уюта, света. Пронзительные крики соек, перелетавших с ветки на ветку, казались зловещими и дикими. Деревья глухо шумели, качая вершинами, враждебно переплетали узловатые руки, мешая идти людям. Лучи солнца не попадали сюда, холодный полумрак, не освещенный, не согретый розовыми лучами солнца, наводил озноб.

Внезапно лес расступился, Впереди, везде, куда падал глаз, была большая, заросшая цветами и залитая солнцем поляна, радовавшая глаз многоцветьем, со всех сторон окруженная

лесом. Капли росы свисали с травы, серебрились и переливались в ярком свете солнца. Вдалеке бугрились разрушенные годами, дождем и ветрами огромные серые валуны, заросшие мхом и чахлым кустарником. Тропинка терялась в густой траве и обильно разросшихся листьях папоротника. Крупные гроздья налитых темно-вишневым соком ягод густо осыпали кусты. Свежий, обжигающий утренней прохладой воздух бодрил и радовал.

– Красота! – ахнул кто-то.

– Красота – то, красота, – негромко заметил Цвигун, – Но вы бы тут, ребята в оба глядели. Это и есть Пьяная Гора. Это о ней Иван поминал. Ну, мужик тот, что пропал.

Вокруг поляны вздымались, беря ее в кольцо, низкие скалистые горы. Голые камни торчали здесь и там. Журчала недалеко речка.

Ребята рассыпались и пошли по поляне, осматривая все вокруг. Хлестала по ботинкам мокрая трава, путала ноги, идти было тяжело. Двигаться старались бесшумно и скрытно. Но идти быстрее не получалось. Высокая в рост человека трава, кочки, пни мешали идти быстро.

– Эй! Скорее сюда! – тревожный крик взорвал утреннюю тишину. Все бросились туда, где кончалась поляна, и высились обломки камней, словно нарочно наваленные в кучи. Сладковатый тошнотворный запах шел из темной дыры у камней, крупные сгустки крови грязными пятнами заляпали камни.

– Зверя что ли свежевали, – прошептал кто-то, боязливо заглядывая в пасть каменной дыры.

– Зверя... – дай-ка я гляну. – Цвигун боком пролез в отверстие и скрылся в вязкой темноте.

Вылез боком, весь белый, его долго рвало на пожелтевшую траву, выворачивало зеленой мутной жутью.

– Тут не зверь, тут хуже, человек тут поработал. Зверь до такого не дойдет. Он просто убьет.

Все холодные и липкие стены каменной пещерки были забрызганы кровью. Ее было так много, словно фонтаном било из тела, подвешенного под низким потолком.

Они вынесли искалеченное тело на солнечный свет и угрюмо глядели, потрясенные открывшимся зрелищем. Человека пытали неторопливо и обстоятельно Его неторопливо, аккуратно и ровно изрезали ножом. Над красивым сильным мужиком жестоко и страшно надругались, искромсали могучее здоровое тело. Это как же ненавидеть надо было его, чтобы так терзать и мучить. От этого зрелища у тех, что послабее, скрутило судорогой желудки.

– Эй, ребята, тут еще вон что есть! – Олег вытащил из пещеры охапку грязной в бурых пятнах одежды. Из кармана вывалился и покотился по земле красноватый с бурыми прожилками ромбик. Цвигун поднял его и несколько мгновений оцепенело смотрел.

– Зажигалка, – севшим голосом пробормотал он, – Ивана Вырина зажигалка. Здесь и буквы ИВ есть, я сам на ней выжег. И куртка, и штаны его. Значит, вот что с ним, с Иваном стало. Страшную смерть принял. – Он истоиво перекрестился, – Каким бы ни был человек, а такого конца врагу не пожелаешь.

– И за что ж это его так? – спросил Раптор. – Для забавы постарался кто? Вряд ли. Разве что больной какой с выжженными мозгами тут у вас по тайге шастает.

– Это ж надо, как Ивана вашего ненавидел кто-то. Не просто убили, а еще и мучили как! Ужас!

– Да что тут делается, черт! Я такого и в Чечне не видел – вдруг заорал молчавший всю дорогу крупный кряжистый молодой мужик с рваным шрамом во всю щеку, – Камера пыток, что ли?

– Может и так, может и так, – глухо сказал Цвигун, – отморозки какие-то орудовали. Видно, золотишко пытались достать, или место узнать. Иван много знал.

– А недавно были, может, догоним? – предложил кто-то.

– Где ж вы их догоните? У тайги дорог много. Тут и на пулю нарвешься. Постреляют из-за углов как котят. Тут наверняка знать надо. Люди ведь они. Значит, харч какой нужен, опять же патроны, не десант же здесь выбросили. В аккурат на Комсомольск и выйдут. Если уже не вышли. – задумчиво сказал Цвигун, ковыряя рыжую пожухлую траву под провисшим валуном. – Кто-то должен им это носить. Вот мы и посмотрим, последим.

– А мы что? Жить тут будем? – взорвался Грек.

– Зачем жить? Вы, ребята, в тайге не вояки, да и те, кто сделал это чужие здесь тоже. Зверьем их назвать – зверя обидишь. Мы тут сами сладим. А вас, если что, позовем на подмогу.

Спокойная, деловитая уверенность этого, как казалось, еще не совсем старого и умудренного опытом мужика, который, казалось, все знал, ничему не удивлялся, отрезвляюще подействовала на ребят.

– Хватит, – оборвал командир, на побледневшем лице которого зло играли желваки, глаза стали колючими и холодными. – Не нам это решать. Поумнее люди есть. Вот пусть начальство и думает, что со всем этим делать. Ему за это деньги платят. А нам ноги делать надо. Мы задачу свою выполнили. Зачем нас прислали, то и нашли.

Олег глянул на деда и остолбенел. Глядя куда-то в сторону, с мертвым, как у покойника, восковым лицом, закатывая белки глаз, тот мешком оседал на землю. Рука его судорожно цеплялась за траву, пальцы скребли и бессильно царапали землю.

– Кто-то плеснул ему в лицо из фляжки.

– Эй! Дед! Ты в себя – то приди! Живой? – с равнодушным любопытством спросил Грек, с сожалением заглядывая во фляжку и закручивая крышку.

Цвигун сидел на траве, глядя перед собой пустыми глазами, и бессмысленно что-то бормотал. Он словно увидел перед собой привидение. Олег проследил за его взглядом, который упирался в еле видную тропку, исчезающую в густых зарослях кипрея.

– Ты, дед, видел кого? – резко и быстро выкрикнул Ворона. – А ну, ребята, по тропе!

Они быстро обыскали скалы, но никого и ничего не нашли, кроме равнодушных валунов и замшелых бронзовых стволов деревьев.

– Да нет, – пришел в себя дед, – не было никого.

Нет, не нравилось Вороне странное поведение деда. Головой готов поклясться, что увидел он кого-то или что-то, и не только увидел, но и узнал. Только этим своим знанием не хотел старый хрыч делиться. И Ворона чувствовал, что это так его напугало, что молчать будет, чего бы это ему не стоило. Надави – наврет с три короба, но ни за что правду не скажет! Может потому, что пахла она, правда эта, смертью? Будешь тут молчать, если смерть эта твоя собственная.

Оклемавшийся Цвигун устало вытирал пот со лба.

– А знаешь, дедок, – дружелюбно окликнул Цвигуна Ворона, – о чем я жалею?

– О чем, сынок? – приветливо поднял голову Цвигун, – Я не держу сердца. Молод ты – вот и горяч.

Парень задумчиво смотрел на безмятежно глядевшего на него деда: «А ведь ты, отец родной, знаешь, что я не прощения просить буду. Я, старый черт, жалею, что не придавил тебя в тайге, как вот этого червяка – Он зло бросил на траву зеленую пупырчатую гусеницу, лениво лежащую на листке и неторопливо размазал ее по траве. – И думаю, понимаешь, уверен железно, что воздух тут у вас стал бы гораздо чище».

– Злой ты, – сочувственно сказал дед, – злости много, ума бы побольше. Мешала она тебе. Гадите, гадите вокруг себя, пугаете, пугаете. Что делать будете, когда бояться надоест? – И он прямо и насмешливо глянул в кошачьи глаза Вороны. – Ты, наверное, думаешь, что напугал меня? Зря думаешь. Тебе бы радоваться, дураку, что живым вышел.

И, не дожидаясь ответа, с трудом передвигая ноги, поплелся в сторону ручья.

– Чего ты на него наехал? – спросил Олег, – Зря ты на него так.

– Как так? – взвился Ворона, – Знаешь, Олежка, допросить бы его, дедушку нашего, с пристрастием. Ой, как много узнали бы мы интересного. Режь меня, не поверю, что не знает он ничего о том что творится здесь. Знает, гад, знает! А, может, и сам руку приложил. Вот несколько не удивлюсь.

– Да черт с ним, со стариком. Живы – и, слава богу! Ноги бы отсюда скорее унести. – пожал плечами Олег.

– Не скажи! Я бы вернулся сюда. Очень уж любопытно мне, что здесь происходит. Не один, конечно, и хорошо бы пулеметик или танк прихватить. Тут в каждого второго стреляй – не ошибешься. А я в лес теперь без автомата не сунусь.

Дед Цвигун напряженно слушал обрывки долетавшего до него злого разговора. Он не казался ни испуганным, ни растерянным. На лице его играла нехорошая усмешка.

Возвращались в полном молчании другой дорогой. Оглядывались, разговаривали шепотом. И все казалось им, что будто кто-то из темной глуши, окружавшей их, смотрит недобро, пристально. В конце концов, у, в общем-то, не робких мужиков сдали нервы. Раптор первый начал стрелять в темную, гнилую пасть тайги, глотавшей пули, глушившей крики, странным болезненным эхом отзывавшуюся на каждый выстрел. Проводник устало сидел в это время на пенке и курил неизменную сигарету.

– Сидели бы вы в вашем городе, – думал он, – и не лезли в то, чего не понимаете. Тайга и не таких героев видела. Проглотит вместе с пулеметом и автоматом и не чавкнет. Был человек – и нет человека. Это вы перед людьми храбрые, человека, значит, убили, – это плохо. А гусеницу раздавить – так ничего. А для нее что человек, что мураш, что гусеница, которую ногой размазали – все едино. Смерть есть смерть. Перед нею все равны.

Они вернулись из тайги угрюмые и бледные, спавшие с лица. Принесли упакованный в черную клеенку труп Ивана Вырина. Опознать его было некому: и дочка, и мать уехали неизвестно куда, и скоро вернуться не обещали. Страшный груз загрузили в машину и уехали. Бабка Цвигуниха, по большому секрету, рассказала всем соседкам, что голову у Ивана кто-то откусил. Страшные зубы оставили рваные полосы на теле егеря, которого терпеть не могли в деревне. «А главное, – таинственно оглядываясь по сторонам, шептала бабка – вокруг тела на влажной земле нашли опешившие милиционеры следы маленькой детской ножки с крохотными пальчиками.

Олег ехал в поезде, с каждой минутой приближаясь к нормальной человеческой жизни. Убаюканный ровным стуком колес, он задремал. Темная фигура внезапно возникла в дверях, наклонилась над ним, хищно повела носом, шумно втягивая воздух. Олег ясно услышал сопение, будто незнакомец, замерший перед ним, осторожно, по – звериному, принюхивается, пытаясь уловить и распознать слабый, ускользающий запах. Запах его, Олега. Он проснулся в холодном поту, леденящий, безотчетный ужас сковал тело. Вокруг смеялись и разговаривали люди. За окнами мелькали веселые березовые рожицы, кто-то брэнчал на гитаре.

– Черт! – Приснится же! – устраиваясь поудобнее и медленно приходя в себя, подумал он.

1.4. Подарок для детектива

Башира Омаровича Баширова, начальника Вальцовского РОВД, срочно, ничего не объясняя, вызвали в область. Ничего хорошего в этой спешке не было, потому подполковник Баширов, отработавший в системе не один десяток лет, всю ночь писал какие-то бумаги и что-то лихорадочно рвал и бросал в круглую красную мусорницу. Утром он тихо, чтобы не потревожить спящую жену, выпил кружку крепкого горячего кофе, сел в служебную машину и отправился в областной центр.

Вообще начальник Вальцовского РОВД был человеком колоритным и ментом далеко не традиционным. Бывший детдомовец, он умудрился поступить и закончить юридический факультет университета, но за длинным рублем устремился в торговлю, откуда был быстро уволен по собственному желанию. Из партии его выгнали за мошенничество, которое он искренне считал честным бизнесом. Но партийные товарищи его мнения не разделяли, и карьера бывшего торговца была плачевно завершена. Неунывающий юрист, удрав из родного солнечного Узбекистана, выбрал для жительства глухой таежный район, где решил отлежаться и зализать раны. Обдумав многочисленные варианты, Баширов выбрал местом работы маленькую сельскую школу, куда устроился учителем истории. В глубинке люди с высшим образованием были редкостью, а в школе, где работало одно бабье, красивый, умный, вежливый и воспитанный историк в течение года стал директором, его школа лучшей в районе, на Башира Омаровича посыпались грамоты, благодарности. Все было великолепно, пока в один прекрасный день его не попросили зайти в райком партии. Сердце у него тревожно екнуло и под ложечкой неприятно заныло. Но то, что он услышал, его удивило. Высокий картинный партиец в синем с искрой костюме и белоснежной рубашке, встряхивая седой взбитой шевелюрой, торжественно спросил его, почему тот еще не в партии? Робость и испуг сидящего перед ним молодого директора были истолкованы им по-своему и очень понравились престарелому ветерану партии. Краснея и заикаясь, подыскивая подходящие слова, Башир Омарович напряженно думал, что ему делать. Отказываться было нельзя. Это он понимал. И согласился. Все складывалось как можно лучше, но тревога не покидала молодого кандидата. Целыми ночами он ворочался, упрямо глядя в беленый потолок, вставал с больной головой, потерял аппетит, похудел. Переживал не зря. На комиссии, куда наглаженный и начищенный Башир явился вступать в ряды передового отряда рабочего класса, он сбивчиво объяснял, зачем и почему ему это надо. Он очень волновался, перед глазами плыла красная пелена, лица сидящих перед ним расплывались и он почти не удивился, когда знакомый голос удивленно переспросил его фамилию. Только роковое невезение Башира привело на комиссию в Вальцовский райком в качестве представителя его старого недруга, благодаря которому он вылетел из партии в первый раз и едва унес ноги от тюрьмы.

Так в одночасье закончилась его педагогическая карьера. Тогда в первый раз в жизни он очень сильно напился. И надо же было дочери Вальцовского прокурора Верочке решить опробовать новенькие «жигули», подаренные ей любимым папочкой. Вот под колеса этих самых «Жигулей» и попал ничего не соображающий, пьяный вдребезги Башир. Перепуганная Верочка загрузила жертву несчастного случая в машину и, боясь гнева папочки, увезла подальше от прокурорских глаз на дачу. Там она трогательно ухаживала за слегка поцарапанным героем, глядя в прекрасные честные и черные глаза, лучившиеся искренностью и теплом, выслушивала его сбивчивые, полные обиды на жизнь рассказы и попутно влюбилась в него. Из дорожной катастрофы Башир вышел вначале сторожем на прокурорской даче, а затем зятем Вальцовского прокурора и начальником убойного отдела Вальцовского РОВД. А потом была перестройка, разбежались по углам и срочно перекрасились бывшие партийцы, Башир Омарович из вредного для общества человека превратился в борца за новую идею. Но урок, полу-

ченный им в молодые годы, усвоил полностью. И главный вывод был такой: не высывайся! Рубят головы тех, кто высоко их поднимает. Осторожность его граничила с трусостью, но вот подлецом он не стал. Если можно было не сажать людей, не сажал, потому и считался в районе человеком справедливым и ментом правильным. Добрым и мягким он не был, выгоду свою строго соблюдал, но удовольствия от чужой беды не получал. Народ это ценил, и его, как это ни странно для начальника милиции, в районе любили.

И что не любил Башир Омарович, так это ездить на любые совещания, которые проводились как в области, так и выше. Сидел там тише травы, ниже воды, начальству на глаза старался не лезть, но и от встреч не уклонялся. Очень ему не повезло с внешностью, как ни старался он спрятаться за спины коллег в залах заседаний, но его всегда выделяли среди толпы. Беда начальника Вальцовского РОВД была в том, что был он очень красив. Роста невысокого, но крепкий и стройный. На белокожем свежем лице лучились темные, густо опущенные длинными, загнутыми ресницами черные бархатные глаза, над ярким ртом щегольски торчали черные усики. И среди раскормленных, отяжелевших от кабинетной жизни милицейских начальников он был как белая ворона. Да и район его был уж очень большой и трудный. Среди топких болот и непроходимой тайги были разбросаны редкие поселки, куда попробуй, доберись по непролазным таежным дорогам. И народ там непуганый, власти не боящийся. То и дело то убьют кого, то пропадет кто. Люди здесь пропадали часто. Считай никого не находили. Тайга все скроет. А среди буреломов, где один леший хозяин, законы свои, неписанные. И золотишко водилось в этих местах, и охотничий промысел был очень хорош, и рыбки ценной хватало, да и дерево здешнее в большой цене было. Опять же тянуло, как магнитом в эти глухие благодатные места тех, кто с законом был не в ладах, кто хотел спрятаться от власти и от людей. Как побег из мест не столь отдаленных, так и ищи беглецов в суровой и глухой вальцовской тайге. Только дурни эти, кто решал здесь схорониться, забывали с чем дело имеют. Тайга она чужих не любит. Скольких беглецов, умирающих от голода, ставших людоедами, потерявших человеческий облик, повидал Башир Омарович, не счесть. Но больше всего он боялся до дрожи в коленках вот таких вызовов к начальству, когда никто ничего не объяснял, и ждать можно было чего угодно. И вины здесь искать не надо. Если сильно захотеть, то грехи и грешки за каждым водятся. А от тюрьмы и от сумы не зарекайся. И еще запала в душу басня Михалкова, умная такая и ядовитая. Стояла, мол, лестница. Ступеньки были в ней одинаковые, но верхняя очень перед нижней гордилась. Пока кто-то шустрый не перевернул лестницу наоборот. И гордая верхняя ступенька оказалась в самом низу. Очень хитренькая басня и со знанием жизни написанная.

В здании областной милиции ему его никто не ждал, долго выясняли, кому и зачем он понадобился. Пока не попросили, вежливо так, зайти к областному прокурору. Вот от этого ничего хорошего тем более ждать не приходилось, и Башир Омарович только неприятно поежился. В кабинете Гирина сидел какой-то мужик, закрыв лицо газетой. Прокурор был огромный под два метра, мощный с зычным голосом мужик, его крупное лицо с грубыми выразительными чертами было глубоко изрыто оспинами. Он небрежно ткнул подполковнику руку и указал на один из стульев у бесконечного полированного стола. Предчувствуя беду, начальник Вальцовского РОВД сел на мягкое черное сиденье и ждал, пока скажут, зачем позвали. По опыту знал, что первым заговаривать нельзя, неизвестно во что вляпался. Гирин необычно ласковым голосом стал расспрашивать о здоровье жены, тестя, о делах в районе. Подполковник также вежливо отвечал бесцветными словами, благодарил за внимание, а сам напряженно думал, что понадобилось от него хитрому и безжалостному прокурору, поднаторевшему в политических играх, за которым закрепилась среди коллег недобрая слава. Но Вальцовский район пока был вне зоны интересов хитроумного начальника. А мужик изредка взглядывал на Башира Омаровича колючими недобрыми глазами из-за газеты и упорно молчал. Наконец, он отложил газету, и сердце у подполковника глухо екнуло. Сидел перед ним очень богатый

и очень могущественный человек. Коротков Николай Иванович был тайным хозяином большинства золотых приисков области, имел несколько банков и еще много всего. И очень большие люди без его кивка дышать боялись. Само появление его в кабинете Гирина было явлением чрезвычайным. Башир Омарович уныло спросил себя, во что его на этот раз угораздило вляпаться.

– Давайте к делу – глухо сказал гость, его маленькие мутноватые глазки неторопливо ощупывали сразу взмокшего Башира.

– Да к делу, – крикнул Гирин и подвинул стопку бумаг и фотографий, – глянь-ка, может, увидишь что занятное.

Будучи начальником убойного отдела, много перевидал на своем веку Вальцовский мент, и не с самыми лучшими проявлениями человеческой природы ему приходилось сталкиваться, так что трупам его удивить было трудно. Но то, о чем скупно рассказывала судебно-медицинская экспертиза, то, что было крупным планом изображено на фотографиях, его потрясло. Он еле сдержал страшные рвотные судороги, скрутившие желудок, едва не испачкав блевотиной дорогой ковер начальника. Гурин подвинул к нему стопку бумаг. Это были протоколы осмотра тел. Баширов читал, и буквы, слова сливались перед его глазами в одно серое полотно.

– Эй, ты в обморок не упади! – встревожился генерал, – Сядь, сядь. Что думаешь обо всем этом?

«Что за дела? – пришел в себя подполковник-Это кто постарался?» Перед его глазами стояли искромсанные тела мужчин, женщин, изуродованные с особой изуверской жестокостью, здесь был даже ребенок, девочка лет семи.

– А сам то ты что думаешь?

– Маньяк, садист, причем страшный. Неторопливо работал, со вкусом. На всех трупах пентаграмму ножом вырезал – то ли след для нас, то ли знак опознавательный, то ли это часть какого-то ритуала.

– Оба, генерал и Николай Иванович молча смотрели на Башира. Тот кожей чувствовал, что все его слова для них не новость. Тогда зачем позвали? Тяжелое чувство надвигающейся беды нахлынуло на него.

– Баширов, ты там у себя такое видел?

– Нет, – угрюмо буркнул тот, – такое я вообще впервые вижу. И он дрогнув, отодвинул стопку бумаг на середину стола, – У меня народ простой. Убьют, так просто убьют, бывает, конечно, что и пытаются, чтоб про золотишко узнать, но живыми резать не будут. Для этого закалка нужна звериная. Это ваши городские мудрят. Насмотрелись западных ужастиков, вот голова и поехала.

Я бы сказал, что похоже на какой-то обряд. Все трупы изрезаны по одной схеме. Тут ритуал просматривается. Да, на культ какой-то похоже. Людей, будто баранов в жертву приносили. Я с этим встречался, но такой кошмар вижу впервые. Опять же развелось этих сект выше крыши. Дьяволисты, террористы, черт знает что. Для них кровь людская – вода.

Гирин недовольно слушал, царапая пожелтевшим ногтем полированную поверхность стола.

– А ты прям поэт, – хмыкнул он.

– У меня дело одно было. Дьяволисты в тайге орудовали приезжие. Так те тоже жертву приносили. Вот так и познакомился.

Баширов поднял голову и встретился с возбужденным и одновременно холодным взглядом Николая Ивановича. Банкир встал и быстро, нервно заходил по просторному кабинету, заложив руки за спину. Его длинные ухоженные пальцы были крепко сцеплены, побелели в суставах от напряжения, на лбу выступила испарина.

И тут Башир понял, что этот всемогущий в области человек, которого боялись и с которым считались представители не только официальных властей, но и все мафиозные группи-

ровки, напуган до смерти, напуган до такого состояния, что впору залезть под стол, зажаться в темный угол и клацать зубами. А вот это уже было занятно. Подполковник даже повеселел. Кто и что могло так напугать Николая Ивановича, который сам нагонит страху на кого угодно?

– Выйди-ка! – вдруг резко и повелительно сказал банкир Гирину. Тот, на удивление послушно кивнув головой, осторожно закрыл за собой дверь. «Крепко же он тебя за жабры держит. Ясно, кто здесь хозяин», – подумал подполковник и вопросительно взглянул на финансиста.

– Ты кури, разговор непростой будет. То, что ты видел, сделал отморозок один, Тунгус его зовут, а вот кто он на самом деле, не знаю. Я по молодости золото в артели старателей мыл в магаданских лесах. Часть, конечно, государству сдавали, часть своими каналами уходила, а большую часть отдавали Тунгусу. Он данью всех там плотно обложил. Кто не платил, или артачиться вздумал, тот давно червей кормит. Тунгус сам следил, чтобы золото поступало в необходимых количествах и доходило, куда надо. Я тогда не знал, с кем дело имею. Ну и уговорил ребят, четверо нас было, убрать его. Обидно было ему ни за что лучшую часть добычи отдавать. Осторожная сволочь был, сам к нам не ходил, деда одного присылал. Дедка мы придушили, потом за Тунгусом пошли. Он в заимке ждал. Нюх у него, как у зверя. Незаметно подобраться и убрать у нас не получилось. Учужал нас, стрелять начал. Мы подранили его, но он ушел. Была бы собака, мы, может, и достали бы, а так он в тайге вырос, а мы ночевать – то в лесу боялись, городские все. Если бы не фарт вышел на золото, давно бы домой подались. Вернулись мы злые, друг на друга не глядим, да и страшно было, но бросить место духа не хватило. Золото пошло, хорошо пошло. Мы и пожадничали. Нам бы уйти сразу. Так нет. Тряслись от страху, на лес оглядывались, а оторваться не могли. Словно заманивал нас кто. То все песочек шел, крупненький, но песочек, а тут вдруг самородки пошли, да один крупней другого. Песок мы в мешочки упаковывали, а самородки отдельно укладывали. Утром просыпаемся – Мишки нет, и самородков тоже. Мы аж взвыли, ружья похватали и следом. По росистой траве след четкий. Мы быстро шли, а он еще быстрее. Это теперь я понимаю, что нам дорогу указывали. Мы в тайге, как дети малые, не то что найти кого-то, сами потеряемся в десяти соснах. А тут то клок рубахи на кусте висит на видном месте, то ручку на тропке найдем, то конверта кусок белеет. А потом, – Николай Иванович сглотнул слюну, острый кадык на воловьей шее судорожно задвигался, – Потом слышим, как закричал кто-то далеко, эхом отозвалось. Я от крика этого и сейчас ночами просыпаюсь. Человеческого мало было в нем, словно зверь кричал, с которого шкуру живьем дерут. Мы, конечно, туда рванули, и, поверишь, пока бежали, пережил я тысячу жизней. Мишку мы нашли. Кровяной след тянулся долго. И пока мы шли по нему, то ухо находили, то руку, то еще что. А сам наш беглец висел на дереве весь изрезанный ножом. Подробности ты видел. Золотишко же при Мишке осталось нетронутое. Ну и значок на лбу. Компаньона мы похоронили, сами сплавились по реке, и больше в тех местах я не появлялся. Воды с тех событий много утекло, и я уж начал забывать об этом, как вдруг полгода назад мне позвонил Женька. Это с ним мы золото мыли. И нашел же! Напуган он был здорово. Говорит, что жену Мишки и брата его убили. А как убили, ты видел. Вот тут и начал я Тунгуса искать. Только я с таким никогда не встречался. Вроде есть человек, но одновременно и нет его. Ни имени, ни адреса. Возможности у меня неплохие, и выходы на разных людей тоже имеются. Но понимаешь, в лицо я его, конечно, видел. Но борода у него была до пояса, как у маджакета, волосы до плеч. По фигуре мужик обычный. Как его найти? Только, знаешь, как кликуху его помяну, народ замолкает враз – слова не вытянешь. Ни деньги, ни уговоры не помогали. Уж поверь, спецы работали – не выбьешь ни слова – перервал он возражение Баширова, – и деньги я сулил бешеные – не помогало. Такой ужас он на людей наводил, что умереть им было легче. И все равно кое-что я узнал-таки. Он под контролем держал большие партии левого золота, умный был и хитрый, как черт. Переиграть его никому не удавалось. Сколько караулили, от всех уходил. Мы, выходит, единственные его подранили. Запал он, выходит, на нас.» Николай

Иванович сел, слова лились из него мутным потоком, не принося облегчения. Сквозь аромат дорогого одеколона все сильнее пробивался острый запах пота, страхом был заряжен сам воздух около него. Подполковнику стало не по себе. Он задыхался в этом кабинете с его тяжелой полированной мебелью, темными шторами на окнах, дорогим ковром на полу. Никогда начальник Вальцовского РОВД не был ни нервным, ни психически неуравновешенным человеком. Удивить его, а уж тем более вывести из равновесия, было непросто. Но за незамысловатым рассказом этого перепуганного, как мальчишка матерого мужика чувствовал он, как входит в его жизнь что-то страшное, черное, злое, и больше всего хотелось ему сейчас к себе в Вальцовск, к своим родным уголовничкам.

– Понимаешь, Омар, он стигнул из глаз давно уже. Засел где-то в норе. Вот из этой норы он до Мишкиных родных дотянулся. И к Женьке тоже-хрипло добавил он. – И его, и жену. И девочку не пожалел. А следов никаких. Висяк.

– Чем я могу помочь? – поинтересовался Башир. К нему постепенно возвращалось спокойствие. Если речь не шла о кабинетных играх, то свою работу он знал и делать ее умел. Мысленно просчитал все варианты. И почти не удивился, когда услышал то, к чему уже был готов.

– След Тунгуса к вам в Вальцовский район тянется. Выходит, у вас в тайге он залег. Ты его найди. И не спугни. Сами вы его не возьмете. Уйдет. Им мои ребята займутся.

Голос Николая Ивановича перестал дрожать. Теперь на месте перепуганного, сломленного толстяка сидел уверенный, жесткий холодный человек, способный на самые крайние решения.

– Неделю назад у меня прямо из дома пропал мой пес Фокстерьер Джим. Собака на редкость злая, даже кормил его только я. Дом хорошо охраняется. Чужих не было. Украсть Джима не могли. Я уж начал думать, что он сбежал. И тут вчера на дороге, когда ехал в город, подкинули мне сверточек. Подробности узнаете у охраны. Он подошел к стоявшему в углу маленькому журнальному столику и развернул пакет. Подполковник неохотно подошел. Изуродованная, залитая кровью собачья морда глянула на него черными провалами вместо глаз. На лбу собаки была рвано вырезана пентаграмма.

– Теперь, выходит, моя очередь, моя и моей семьи. Он мне знак дает, что я в доме моем не спрячусь, что дотянется он до меня. Башир, ты его нору найди. Я долги платить умею.

– Вальцовская тайга большая, он, если тайги не боится, на займке может жить, найди его. Там годами живут, охотой промышляют, золотишко потихоньку моют, и никто никого сроду не сдаст. За это пулю враз проглотишь. Там свои счета по-своему сводят, без нас обходятся, – проворчал Башир.

– И еще, я штучки ваши ментовские хорошо знаю. Явитесь всем кублом в деревню, кабинеты, какие есть, позанимайте, шушере всякую соберете и давай из них показания выбивать. Мне этого не надо. У тебя умные следаки есть или все с дубинками? Мне настоящий Тунгус нужен, а не похожий на него бомж. Ты поищи, мужиков поспрашивай по-хорошему. Зверь он и есть зверь. Нутро свое должен показать. Не мне тебя учить.

– Откуда известно, что у нас он? С чего вы взяли? – еле сдерживал себя Баширов, – Такого у нас сроду не было.

– Плохо же ты знаешь, что было, что нет. Глянь-ка, – банкир взял верхнюю фотографию. Истерзанное тело без головы. Ваш. Почерк тот же. Соседи ваши подарили.

– А соседи-то при чем? Они как у меня оказались? Своих дел мало?

– Не кипятись. Они ближе были. Опять же места эти наполовину ваши, наполовину их. По тайге между не проложишь.

– Что-то раньше не замечалось у них желания особого чужие трупы тайком подбирать и фотографии на память дарить власть имущим. Дурновато пахнет, – обозлился вконец подполковник.

Ох, и надоели Баширову все эти шпионские страсти. Это ж надо: труп на чужой территории соседи сами словили, ничего не сказали. Ерунда какая-то. Так не бывает.

– А убитый кто? – это мне можно узнать? Или тоже тайны? – повернулся он к банкиру. Убит местный егерь Иван Вырин. Вот от этого и пляши.

Николай Иванович несколько минут смотрел на закрытую дверь и, приятно улыбнувшись, ласково добавил: «А если что с моими родными случится, то я сам с тебя, голубчик, шкуру спущу, ясно? С живого. Так что уж ты постарайся для старика».

Башир хмуро глядел в сторону, со страхом чувствуя, как подымается от позвоночника и подступает к горлу безобразное ледяное бешенство, лишаящее его здравого смысла и разумного страха, которым он в глубине души гордился. Подполковник глубоко вздохнул и, осторожно сдерживая дыхание, хмуро глядел в сторону. Затем поднял голову и злобно уставился прямо в жесткие обманчиво ласковые глаза: «Не пугай. Плевать я хотел и на тебя, и на деньги твои. Сиди и трясись!» Слова вылетали помимо воли, Башир только изумлялся самому себе, не в силах остановить приступ лютой злобы, захлестнувшей его. Он тяжело поднялся с жалобно взвизгнувшего генеральского стула, круто повернулся и вышел из кабинета, осторожно прикрыв дверь, прошел мимо подскочившей секретарши, оторопевшего генерала, сбежал легкой походкой американского супергероя, сел в милицейскую машину и уехал в родной Вальцовск.

Гурин, предчувствуя недоброе, осторожно потянул дверь кабинета. Николай Иванович сидел в кресле, покуривая сигарету, странное удовлетворение было на его лице. «Хороший мужик – ухмыльнувшись, сказал он, – Узбек, а мужик что надо. Тунгуса он найдет, если он у него. А я носом чую, там он залег. Там у него лежище».

1.5. Кое-что о дьяволе и слугах

Тяжелая мутная злоба, подступившая к горлу, душила Башира Омаровича. Не помогало даже открытое окно машины, летящей в ветреную бесприютную ночь. Только постепенно все его геройство и храбрость сползали с него, как со змеи сползает весной кожа, здравый смысл начинал нашептывать ему, что большей глупости он за всю свою жизнь не совершал, и надо бы вернуться и повиниться, может и простят его детство. Но проклятое упрямство гнало его вперед, домой навстречу черт знает каким неприятностям. Баширов угрюмо поглядывал на густеющий по обеим сторонам дороги лес, и на душе у него скребли кошки. Папа-прокурор давно был на пенсии, крыши у подполковника не было, впору сушить сухари или наниматься сторожем на дачу новым русским, которых немерянно развелось в Вальцовске. Впереди, там, где дорога смыкалась с отливающим весенней синью небом, он скорее почувствовал, чем увидел темные тени машин и людей, перегородивших, как ему показалось, дорогу. Остро засосало под ложечкой. Чего ему не хватало, так это пальбы на дороге с погоней и трюками.

– Башир Омарович, – напряженно сказал шофер, – Однако что-то не то, может, повернем?

– Езжай, – злобно сцепив зубы, буркнул подполковник, – прорвемся. И расстегнул кобуру револьвера. Здравый смысл опять куда-то делся, спрятался глубоко-глубоко и шевелился тихонько, как нашкодивший котенок. Подполковник вдруг успокоился, ему даже стало весело. «Давай, давай, – возбужденно думал он, – давай повоюем!» Запищала рация.

«Башир Омарович, – неторопливо прогудел голос Николая Ивановича, – Мы не договорили. Вы сейчас подъезжаете к 122 километру, там поворот к моей даче. Вас там ждут. Это я к тому, чтобы Вы от избытка чувств не начали палить из вашей пушки в моих людей, – он хриловато рассмеялся, – Вы уж уважьте старика, навестите.» И отключился.

На дороге действительно стояло несколько машин с тонированными стеклами и киношные качки с квадратными затылками, подбородками, плечами и мозгами, в черных кожаных куртках и черных очках, расставив ноги и заложив руки за спину, понтовались на повороте. Башир Омарович хмыкнул в их сторону.

– Сворачивай, – сказал шоферу, – мы в гости едем. Чай пить с баранками.

Сашка искоса глянул на подполковника. Они понимали друг друга с полуслова. Что умел Башир Омарович, так это окружать себя преданными людьми, умел выручить их из тяжелой ситуации, умел быть полезным и нужным для людей без различия чинов и количества денег. Бывшего ветерана чеченской войны Сашку Мазина, он буквально спас от тюрьмы, и ни минуты не пожалел, что взял его шофером. Тот не только машину знал, как пять пальцев, но и пошел бы за ним в огонь и в воду. Машина не просто ехала, она летела по гладкой. Как яичко автостраде. Впереди замаячили очертания большого дома, выложенного дорогой плиткой. Ворота раскрылись, и они въехали на большой, засаженный деревьями двор. Пахло снегом и свежей землей. Подполковник вылез из машины и неторопливо огляделся. Дом был укреплен как резиденция президента. Опытным глазом он сразу отметил насколько уровней защиты, наткано камер слежения, ночью по ограде скорее всего пускают ток и, наверное, выпускают собак. Его никто не встречал. Он постоял, ежась под порывами резкого ветра, и медленно пошел к дому. Двери бесшумно распахнулись, здоровенный швейцар молча принял у него куртку. По лестнице навстречу ему, одетый в синюю мягкую домашнюю куртку, спускался хозяин. Дом был большой, богатый и странно пустой. Вдруг зазвенел звонок, и двери во двор стали медленно раздвигаться. Большая, белая альфа-ромео бесшумно въехала на территорию. Из открывшейся двери с радостным звонким лаем вылетела маленькая белая кудрявая собачонка в смешной меховой жилетке и с розовым бантиком. Вслед за ней легко и быстро, как на роликах, выкатилась кругленькая невысокая молодая женщина в белой пушистой курточке и забавной красной

кожаной кепке. На ее милом некрасивом личике сияла такая радостная счастливая улыбка, что Баширов невольно улыбнулся в ответ. Николай Иванович, отстранив подполковника, как-то по-старчески всплеснув руками, кинулся к женщине, суетливо захлопотал вокруг нее. А она уже висела на шее грозного банкира, болтая ногами и хохоча, собачонка носилась вокруг, отчаянно облаивая хозяина. Заинтригованный необычным зрелищем, Башир Омарович не сразу обратил внимание на вылезшего с другой стороны машины высокого худого и нелепого парня, терпеливо ожидавшего конца бурной встречи. Он неторопливо обнял утонувшего в его длинных руках Николая Ивановича, и они, оживленно переговариваясь, двинулись дружной троицей к дому. Вокруг все также было пусто.

Ни души не было в большом сыром дворе.

– Это Зиночка, моя дочка, и зять тоже мой – Алексей Иванович, – неловко представил гостей хозяин, – Он, кстати, из ваших мест. Подполковник встретился с умными, спокойными серыми глазами, рука у тощего зятка оказалась неожиданно сильной и крепкой. Зиночка, озарив всех лучезарной улыбкой, утащила мужа куда-то наверх. Огромный пустой дом наполнился жизнью и теплом. Через засушенное, замороженное жесткое лицо Николая Ивановича проглянуло что-то человеческое, неожиданно трогательное и доброе.

– Он очень любит дочь, – понял Башир Омарович. И вдруг иначе посмотрел на страх этого очень богатого, умного, жестокого человека. Это был не столько страх перед мучительной смертью и страданием, сколько страх за эту некрасивую, но такую полную жизни и радости, и, наверное, очень своевольную и избалованную девочку.

– Пройдемте, – Николай Иванович пригласил подполковника в гостиную, – Я хочу вас познакомить кое с кем. Он широко открыл дверь большой гостиной. Ярко пылал огромный, вымощенный тяжелым серым камнем камин. Около камина, утонув в глубоком кожаном кресле, съезжился маленький лысый человечек. Услышав шаги, он вытянул тонкую шею в сторону входивших.

Это метр Волынский. Специалист по разного рода магии и религиям.

– Культам, – тихим вежливым голосом поправил человечек, – оккультным наукам.

– Как раз этого мне и не хватало, – озадачился Башир, – Ведьмы. Колдуны, шабаши, полеты на метле в лунную ночь.

– Вы напрасно, юноша, на меня так смотрите. Вы ведь сами сказали, что убийства, которые так беспокоят нашего общего друга и покровителя, похожи на обрядовые.

Дверь открылась, вошел Алексей Иванович, сел в пустое кресло у камина и молча смотрел на огонь. Иногда Башир поглядывал на его сутулую спину, угадывая в нем напряжение и тревогу. Да, Алексея Ивановича, при всем его внешнем безразличии, очень интересовал этот странный разговор.

– Так это все-таки секта? – спросил подполковник.

– Нет, если это то, о чем я думаю, то это гораздо древнее и страшнее. Есть древний культ, очень древний. Отголоски от него есть во всех религиях мира. Он основан на легенде или предании.

– Только покороче, и попонятнее, – попросил Николай Иванович.

– Короче вряд ли получится. Согласно этому преданию, в каждом человеке есть свет и тьма. Если угодно, это два вида энергии, излучаемой космосом. Сгусток этой совокупной энергии по ошибке или роковой случайности попал в тело обезьяны, превратив ее в человека. Мы называем это душой. Есть люди светлые, они приносят в мир добро и свет. Это не их заслуга, в них просто больше попало этой энергии. Но, к сожалению, их не так уж и много. А есть люди черные, они несут миру страдание и смерть. Через них тьма, зло, или воплощение зла, или, если вам будет угодно, дьявол вырывается в наш мир. Примеров в истории вы найдете сколько угодно. Есть в истории целые поколения, пораженные злом и несущие зло. Проходит какое-то время. И зло уходит из душ людей. Пораженные, они с ужасом смотрят на то, что

натворили сами. Но думали ли вы, откуда приходит в наш мир зло и где оно прячется и ждет своего часа? Согласно верованиям древних, между добром и злом стоят черные колдуны. Они сосуд для тьмы. Она вселяется в них, прячется и ждет своего часа, чтобы вырваться и заразить ненавистью, жестокостью, жаждой крови целые народы и поколения.

– Хорошенькое дело, – буркнул Баширов, – Такое объяснение истории я слышу впервые.

– Не перебивайте, молодой человек. Поверьте, вам надо это послушать, или вы не поймете, с кем или с чем имеете дело. Остановить зло можно только через страдание.

– Значит, отсюда человеческие жертвы.

– Не обязательно люди, это могут быть животные, все, что способно испытывать боль, способно страдать. Видите ли, страдание-это вид особой энергии, которая действует на человека, как контрастный душ. Оно смывает все грехи и очищает душу. Помните, у Достоевского? «Страданием спасемся»

Подождите, – умоляюще сказал он, прерывая готового возразить подполковника, – Не перебивайте. Если вы посмотрите на всю историю человечества, то поймете, что оно всегда очищалось через страдание и кровь. Вспомните отшельников, бичующих себя плетью, костры, на которых корчились от боли ведьмы, кровавые подвалы инквизиции, наконец, нашего Христа, смиренно принявшего страшные пытки и понесшего свой крест на Голгофу, принявшего страдание, чтобы спасти людей.

– Не пойму, к чему вы это, – удивился Николай Иванович, – Нельзя ли ближе к Тунгусу?

А я как раз о нем и говорю. Черные жрецы – носители зла, оно вселяется в них, это не люди в обычном понимании слова. Они сосуд для зла. Но некоторые из них находят силы, чтобы бороться с тем, что в них сидит.

– Как?

– Очень просто и очень сложно Они приносят жертвы, мучают их по определенной культовой схеме. Кровь замученных омывает жертвенный алтарь, страдание накапливается. Как газ в закрытом сосуде, и зло на время успокаивается.

– Значит надо найти Тунгуса и дать ему медаль за спасение человечества, или лучше я поеду к нему и преложу свои услуги в качестве жертвы, – злобно дергая щекой, процедил сквозь зубы Николай Иванович.

– Не иронизируйте, среди тувинцев существует уверенность, что черный жрец, приносящий страдание жертве, испытывает ту же боль, что и жертва. Понимаете, все, что чувствует жертва, чувствует и жрец. Это его плата злу. Только жертва умирает, а он продолжает жить, сохраняя в себе всю память, в том числе и эмоциональную, о содеянном.

– Вы хотите сказать, что если он режет и жжет, то чувствует, что режут и жгут его?

– Только режет, только нож и кровь. Убить себя он не может. Тот, кто в нем, ему этого не позволит. Даже от старости он не умрет, пока не пре даст свою суть другому, не перельет в него содержимое. Понимаете?

– Это все муть. По вашей логике его искать не надо, пусть режет и мучает, а мы его портретик повесим и всем народом молиться будем.

Человечек тонко улыбнулся: А разве в истории человечества, кстати, вовсе не столь отдаленной, таких случаев мало?. Разве руки великих людей так уж чисты?

– Тунгуса надо найти и убить. И чем быстрее, тем лучше. Башир, – Николай Иванович снова глянул в сторону подполковника, ты мне его найди только.

– Найти, может, и найдет, а вот убьете вряд ли. Я ведь вам еще не все сказал. Тьма, живущая в черных жрецах, и, если угодно, дьявол, наделяет их невероятной живучестью и неординарными способностями. Неужели вы думаете, что тот, кто живет в нем, позволит вам его убить? На него с амулетами и библией ходить надо, а не с пистолетом.

– Ничего. На крайний случай и пистолет, и автомат, и танк найдем. Он из мяса и крови этот ваш Тунгус, значит и смертен.

Человечек пожал плечами:

– Поверьте, я бы очень хотел оказаться неправым. Я уж думал, что никогда не столкнусь с таким явлением. Мы ограничены в своих знаниях о мире, горды, безграмотны и тщеславны. Не забывайте, что законы мира неизменны, меняется наше знание о них. Никита Сергеевич Хрущев отменил кибернетику и генетику, но груши на тополях расти не начали, вон теперь у вас и компьютер на столе и к Интернету, наверняка, подключен, и люди всюю клонируют живых существ. А ведь магия существует задолго до науки Кто знает, какими видами энергии управляет она? Мы не удивляемся энергии атома, гипноз тоже признали недавно, а ведь все это существовало всегда. Я рад был оказаться полезным. Позвольте откланяться. Нет, нет, не провожайте, – он прервал коротким взмахом руки поднявшегося Николая Ивановича, – Алексей Иванович уже распорядился, меня отвезут. И никаких гонораров. За это я деньги не беру. И он мышкой юркнул за дверь. Через секунду дверь медленно приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась его крупная лысая голова: «А собачка эта ваша убиенная, любезнейший государь, – это знак вам. Он убивать вас не хочет, он себя остановить пытается, но обязательно постарается до вас добраться. Его заставит этот сделать тот, кто в нем, – И он хихикнул в онемевшие от неожиданной выходки лица. – Прошу прощения, господа! И еще помните о людях светлых» И патетически выкрикнул: «Свет победит тьму! Разве не стоит счастье всего человечества одной слезинки замученного ребенка!? Мы живем в мире иных ценностей! Удачи вам, господа!»

После ухода метра Волынского присутствующие некоторое время молчали.

– Скажите, обратился Башир Омарович к молчащему Алексею Ивановичу, стараясь вызвать его на разговор, – что вы думаете обо всем, что наплел здесь этот проходимец?

Вы ведь кажетесь человеком вполне здравомыслящим.

– Да, Алеша, что ты скажешь? – искоса глянул на зятя Николай Иванович.

– Мне не кажется глупостью все, о чем говорил здесь Максим Николаевич. Я его очень хорошо знаю. Он очень, очень умен, и суеверия в нем не больше, чем в любом из нас, а, может, и меньше. Все это странно. Но мне кажется, что должно быть какое-то вполне разумное объяснение любым самым невероятным событиям.

– Хорошо, тогда кто и как вывел собаку из дома? – нервно спросил хозяин.

– Я думаю, что это сделала Лена, горничная.

– Как? Джон ее близко не подпустит.

– Не надо близко. Бросаешь с расстояния иглу, собака засыпает, укладываешь ее в сумку под грязное белье, прячешь в подвале. Дом, насколько я знаю, обыскали только на второй день. А Лена утром уехала за продуктами на своей машине и увезла вашего пса. Машин тоже никто не обыскивал. Я спросил у охраны.

– Но почему Лена?

Только Лена уезжала из дома на следующий день. Кроме охраны, конечно. А держать злобную собаку дольше было бы опасно. Опять же охрана внешняя в дом никогда не заходит.

Давайте допросим эту Лену и все узнаем. Почему до сих пор этого не сделали, удивляюсь, – негромко заметил Баширов. Неловкое напряженное молчание повисло в воздухе. Хозяйка странно переглянулись.

– Лена погибла в этот же день. Ее сбила машина. Нет, нет, это роковая случайность, – оборвал Николай Иванович, – я все проверил. Шофера задержали, он все рассказал. Машина на месте. Обычный сельский парень Нализался не в меру. Она умерла сразу, до больницы не довели.

– Уж очень вовремя умерла. Алексей Иванович, вы бы уехали куда-нибудь подальше, и жену увезли, лучше совсем из страны.

Алеша поворошил поленья в камине, они взорвались тысячью искр.

– У меня сейчас важные дела, да и Зиночка не хочет даже слушать об этом. Но мы попробуем. Он говорил неторопливо, имел привычку смотреть, не мигая прямо в глаза собеседнику. В глубине его серых глаз теплились огоньки. Чувство, что он где-то видел этого парня, усиливалось.

– Скажите, мы с вами встречались?

– Да, – спокойно ответил тот, – я из ваших мест, из Комсомольска, у меня там отец, бабка и сестра. Башир Омарович только языком щелкнул. Вот это карьера. Из таежной глуши в зятя и, видимо, в любимые зятя одному из самых могущественных людей не только области, но и, как подозревал подполковник, и страны. Он другими глазами глянул на нескладного парня.

– Я пойду, – Алексей Иванович встал и, не глядя на присутствующих, вышел из комнаты. Баширов сдержал рвущееся ядовитое замечание.

– Скажите. А ваш зять, он не может быть причастен к происходящему?

– Алеша? – удивился Николай Иванович, – Этого просто на может быть. Он очень, очень талантлив и умен. В бизнесе, в финансах ему равного найти трудно. Но, как все талантливые люди, он рассеян в быту, деньги для него – пустой звук. Корысти, расчета в нем нет совсем.

Башир Омарович улыбнулся: «В первый раз слышу о рассеянном, добром и благородном финансисте»

Николай Иванович хрипло и невесело рассмеялся: «Бизнес для Алеши просто ряд теоретических задач, которые он решает ярко, красиво и оригинально. А уж внедрение этих решений, то есть черновая и грязная работа-это уж моя функция. Вот такой семейный конгломерат. Нет, об Алеше вы забудьте. Он очень любит мою дочь. Она росла одиноким, несчастным и брошенным ребенком. Этот брак – большая удача для Зиночки. Уж поверьте, я это знаю точно. Нервозность сделала этого человека неожиданно болтливым и суетливым.

– Его могут просто использовать, – с язвительной насмешкой заметил подполковник.

– Это невозможно, – сухо и резко парировал банкир, – Алеша недоверчив, умен, у него крайне ограниченный круг общения и, кроме того, он очень проницателен. Этот вопрос закрыт. Я ему больше себя верю.

Башир Омарович пожал плечами: «Я поеду».

– Не хотите остаться до утра?

– Нет, подумав, – сказал подполковник, – Я поеду. Мне пора.

– Как хотите. – Взгляд Николая Ивановича снова стал колючим и жестким? «Помните, что я сказал у Гирина. Я с вас с живого кожу сниму, если с ними что-нибудь случится. Все остается в силе.

– Не пугай» – грубо отрубил Баширов. Он вышел. Его никто не провожал. Из открытой дверцы машин помахал рукой верный Сашка. Подполковник шел к нему, чувствуя упрямо упертый в спину чужой взгляд. Возле машины он быстро обернулся. На втором этаже дрогнули розовые занавески, темная фигура отшатнулась от освещенного окна.

– Да, – задумчиво протянул Баширов, – Дела.

Машина выехала за ворота. Некоторое время они молчали... Быстро темнело.

– Чего он хочет? – не выдержал Сашка, взглядываясь в несущуюся навстречу темноту.

– Бойтся, – коротко ответил Баширов.

– Большие деньги, большие проблемы, – философски заметил Сашка, – А Вы-то ему зачем, своих мало?

– Тут случай другой. Я бы на его месте поселился в Крестах в комфортабельной одиночке или еще лучше в карцере.

Сашка присвистнул: «Заказали?»

– Что-то вроде этого, – смял разговор подполковник.

Нежелание начальника разговаривать шофер расценил по-своему, хотел обидеться, но, взглянув искоса на его почерневшее лицо, обычно веселое и добродушное, замолчал. Прие-

хали поздно ночью. От ужина Башир Омарович отказался, всю ночь ворочался, вставал, курил. Вздыхал и только под утро, когда посветлело и порозовело за окнами, забылся тяжелым, не приносящим облегчения и забвения сном.

1.6. Беседы при луне

Башир Омарович Баширов, начальник Вальцовского РОВД, был сильно не в духе с самого утра. Она еще утра отметила, что у молодого начальника неприятности и явно не личного характера. Ей очень хотелось поговорить по душам и выяснить, в чем дело, но, увидев, как он расхаживал по кабинету, поглаживая седеющие виски кончиками твердых ногтей, как резко злобно ломал в пепельнице незажженную сигарету, она успела придать лицу сосредоточенное выражение, снисходительно улыбнулась и, немедленно выгнав из приемной всех посетителей, уставилась невидящими глазами в мерцающий экран компьютера. А сама краем уха внимательно слушала тяжелые шаги Башира Омаровича, готовая ринуться в бой по первому намеку.

Нет, Тамара Федоровна вовсе не была подхалимкой, и работа для нее не была последней надеждой на кусок хлеба. Она была очень обеспечена, и ее секретарской зарплаты не хватило бы ей даже на духи. Но по характеру она была авантюристка, жизнь без хорошей доли адреналина превратилась бы для нее в унылое и бесцветное существование. Близость к молодому, красивому умному мужчине приятно щекотала ей нервы и придавала пикантность ее жизни. Она умела жить чужими страстями и переживаниями, и сейчас от предвкушения чего-то необычного у нее волновалась кровь, и приятное возбуждение согрело ее напомаженное и напудренное немолодое тело.

Всем, кто заглядывал по какому-то делу в приемную, она только молча качала пышной головой, угрожающе выпячивая двойной подбородок. Потому в обычно шумной и людной приемной было тихо и пусто. Тамара Федоровна, представительная, всегда со вкусом и элегантно одетая дама в дорогих очках в золотистой оправе, была совсем не современной секретаршей. Ни молодостью, ни тем более фигурой модели она даже с сильной натяжкой похвастать не могла. Но начальник ценил в ней редкую преданность своей особе, ум, такт, потрясающую работоспособность. Кроме того, Тамара Федоровна возглавляла своего рода сыскное агентство, тайком от начальства поощряемое Баширом Омаровичем и морально, и материально. Имея многочисленных знакомых в самых отдаленных уголках и службах района, общительная, приветливая, всегда готовая прийти на помощь ближнему, будь то техничка из школы или банкир из частного банка, Тамара Федоровна тщательно собирала, классифицировала, анализировала и заносила в компьютер все сплетни Вальцовского района. Уверенный что дыма без огня не бывает, начальник Вальцовского РОВД с большим интересом относился к деятельности неутомимой секретарши, организовавшей сбор, обработку и анализ эксклюзивной информации. Потому и удивить его любыми происшествиями было непросто. Дача Тамары Федоровны, маленький двухэтажный домик с банькой на берегу лесного озера, тихая, уединенная, скрытая от любопытных глаз, была для Башира Омаровича местом встреч, которые хотел бы скрыть вездесущий и очень хитромудрый начальник милиции.

Сейчас же, сгорая от любопытства, она прислушивалась к тяжелым и нервным шагам за дверь. А Баширов думал о вчерашних встречах и разговорах, и еще стояли перед глазами изуродованные трупы с фотографий, искалеченная морда собаки и аккуратно вырезанная на лбу пентаграмма. И чудилось прагматичному материалисту и цинику Баширову, что играет с ним что-то черное и злое, сродни сатане, будто дохнуло могильным холодом. Ему вдруг стало казаться, что он чувствует даже еле слышный запах серы. Запах становился все сильнее, тихо дрогнула и стала медленно открываться дверь, устало скрипнул под невидимой подошвой полавица, кто-то тяжело дышал, стоя за прикрытой дверью.

– Кто там? – жалко, по-бабьи взвизгнул Башир Омарович.

Сквозь открытую дверь робко протиснулась Тамара Федоровна. В руках она держала разнос с черной эмалированной чашечкой и кофейником. На крошечном тортике горели свечи.

– С днем рождения вас, Башир Омарович! – ласково пропела она.

Давно не было так стыдно начальнику Вальцовского РОВД. От злости на себя он чуть не заплакал. Ну, уж нет! Дурацкий рассказ, дурацкая, дурно пахнущая история не сделает из него трусливого зайца. А сволочь эту, что людей ножом режет, он найдет.

– Спасибо, моя дорогая, – сказал он ласково расцветшей Тамаре Федоровне, – что у нас новенького?

– Звонил Гирич, велел перезвонить.

– Вот, началось. Сейчас сухари сушить, или и не успею уже? – Соединяйте!

– Ну, Башир Омарович, – загрохотал в трубке голос генерала, – Спасибо, брат, уважил! Не знаю, что уж ты там этому золотому мешку сказал, только он довольнехонек. Ищи зверя, друг. Что надо, звони, все враз будет. Привет супруге, – и, не ожидая ответа, прекратил разговор.

Подполковник медленно положил трубку замолчавшего телефона, молча глядя перед собой.

– Минуй нас пуше всех печалей и барский гнев и барская любовь – подумал он, – а особенно любовь.

Страхнув оцепенение, он взглянул на замершую перед ним с блокнотом в руках, готовую к действиям Тамару Федоровну.

Тамара Федоровна, – непривычно грустный голос начальника сразу насторожил бдительную секретаршу. – У нас пропадают люди?

Он мрачно смотрел на нее: «Что по этому поводу говорит народ?»

– Разное, воскликнула Тамара Федоровна, грациозно усаживаясь в кресло, – Что именно вас интересует?

– Все странное, – теряя терпение, возвысил голос обычно вежливый Баширов.

Тамара Федоровна укоризненно склонила голову: «В последнее время участились слухи, что в тайге опять появились дьяволисты. Они поклоняются сатане и приносят жертвы. Но пока замечено только приношение петухов, кур и прочей живности»

– А люди?

– Людей грабят, убивают. В это области ничего выдающегося и достойного внимания. Обычная угловка.

Глубокое разочарование в глазах начальника расстроило преданную секретаршу.

Башир Омарович внезапно поднял голову и задумчиво посмотрел на нее. Он быстро, как мог, изложил ей суть дела, в которое его втянули в области и от которого, похоже, зависела не только его карьера.

У Тамар Федоровны покраснели щеки, заблестели глаза. Она с глубоким вниманием слушала его горькую злую речь, обильно пропитанную желчью и печалью, искренней и правдивой. И была тронута взволнована.

Затем она пристально и внимательно посмотрела на Башира Омаровича: Есть еще кое-то... Но все это так нелепо, так странно... Но не более странно, чем все, что вы рассказали. Мне позвонили от соседей. Секретарша принесла пачку фотографий, и уже знакомый кошмар глянул на него. Изуродованный, измороженный человек. Не часто такую жуть увидишь.

Он, удобно устроившись в кресле, внимательно слушал ее неторопливую самоуверенную речь, хорошо сдобренную злым юмором, и угрюмо рассматривал фотографии.

Им овладело тяжелое, почти злобное волнение. Их множества фактов и фактиков, из всех этих слухов и сплетен, тайных и явных доносов все четче пририсовывался в мозгу начальника Вальцовского РОВД глухой таежный поселок с очень советским названием Комсомольск.

– Тамара Федоровна, участковым у нас в Комсомольске Федоров, кажется, Алексей Николаевич?

– Да, Башир Омарович, – с почтительной деликатностью кивнула она головой, – Алексей Николаевич здесь, я просила его подождать в приемной, но по интересующему вас вопросу он ничего не знает. Когда того мужчину нашли, он был в отпуске.

Башир Омарович с интересом взглянул на секретаршу, Он был заинтригован.

Есть ли что-нибудь в его районе, что проскользнуло мимо пристального внимания его секретарши? А соседи – то как там оказались, не их район?

– Этого я не знаю. Им позвонили, попросили помочь. До нас дозвониться не могли, не было с поселком связи.

Баширов вспомнил ледяные глаза банкира. Да, похоже, здесь задействована вся милиция области. И не только милиция, но толку пока нет. Одни трупы, из которых один совсем свежий.

Придя домой, Тамара Федоровна долго не могла успокоиться. Ни контрастный душ, ни поход в салон красоты ни пробежка по магазинам – все стандартные меры, принимаемые ею от всех видов стрессов, не помогали. Наоборот, гнетущее беспокойство усиливалось, острое чувство дискомфорта не проходило. Подумав немного, она даже позволила себе кусок орехового торта, обильно пропитанного тающим во рту белоснежным кремом.

Через несколько минут, надев белое кашемировое пальто, стоившее целое состояние, она уже ехала в своем известном всем гаишникам черном джипе в сторону областного центра. Озабоченные стражи дорожного порядка только в затылках почесывали, когда ее машина на предельной скорости неслась мимо всех постов ГИБДД.

Вернулась она поздно вечером, без сил упала в мягкое кресло-качалку, упорно смотрела перед собой отстраненными пустыми глазами, затем потянулась к телефону.

– Это я, – негромко сказала она.

На другом конце молчали.

– Пора заплатить долг, – она слушала тяжелое неровное дыхание человека по ту сторону провода.

Представив его скованное страхом и напряжением тело, она слабо усмехнулась, сказала еще несколько слов, и, не ожидая ответа, положила трубку. Затем она бессильно опрокинулась на подушку дивана и уснула тяжелым, похожим на обморок сном.

Проводив комсомольского участкового, Башир Омарович еще успел вскипятить кофе, выпить рюмку коньяку, припрятанную им для таких случаев. Когда он уже садился в машину ехать домой, позвонили на сотовый. Спокойный, глуховатый с картавиной голос прокричал в трубку, что начальника РОВД будут ждать на известной ему даче в воскресенье вечером по интересующему его вопросу.

– Приезжайте один, – предупредил голос, – иначе разговора не будет. И абонент отключился. Напрасно Баширов орал в замолчавший телефон, спрашивая, кто говорит, на какой даче, в какое воскресенье и когда именно вечером.

Сумерки быстро наплывали на лес, деревья нахмурились, помрачнели, светлое небо стало глубоким и синим, из оврагов полезла колыхающаяся тьма. Машина Башира Омаровича быстро катилась по узкой и неухоженной лесной дороге к даче Тамары Федоровны. Никогда не был храбрецом начальник Вальцовского РОВД и, кстати, в глубине души не считал храбрость и отвагу такими уж большими достоинствами. Другое дело разумная осторожность, пусть дураки и называют ее трусостью. Трус он и есть трус, сидит тихонько и мочится под себя, оглядываясь на каждый шорох, а вот человек осторожный на рожон не полезет, все хорошо обдумает, все просчитает, и, если что решит сделать, то сделает при этом лучше чужими руками. Пусть пинки, синяки, грамоты и медали храбрые и отважные делят. Сливки снимают умные и осторожные трусы. Из всех исторических героев Баширов очень уважал кардинала Мазарини, который и спал с королевой, и в казну королевскую без стыда лазил, при этом и о государстве умудрялся не забывать. И еще один исторический герой вызывал некоторые симпатии – это начальник ГПУ Ягода, (при этом Баширов старался не вспоминать как закончил свою истори-

ческую миссию печально знаменитый чекист, серой тенью возникающий за спинами высших чинов сталинской России).

Обдумав звонок, подполковник пришел к неутешительному выводу: тот, кто звонил, хорошо знал не только номер его сотового, который он давал только близким людям, но его привычки, распорядок дня, даже про дачу Тамары Федоровны выведал. Не ехать было нельзя. Ни сушить сухари, не работать сторожем, Башир Омарович не хотел, и уж тем более не мешал ему его собственная шкура, которую так ласково пообещали снять с него, и то, что он при этом будет живой, настроение тоже не улучшало. А в том, что холеный толстяк с водянистыми глазами-льдинками свое обещание выполнит, не сомневался подполковник нисколько. Опять же натягивалось и звенело, как стальная струна где-то в душе, замирало сердце от странного чувства, от него раздувались ноздри, загорались глаза, ключом стучала кровь в висках. Это, наверное, чувствует гончая, которая становится на след зверя. Древний инстинкт гонит ее по следу, и нет силы, способной остановить охоту. Убивать будут, кровью истечет, а он будет гнать ее вперед, пока не вцепится клыками в звериную шкуру, не доберется до вражьего горла. Вот это-то чувство звенело и пело в Башире Омаровиче, и никакая разумная осторожность не могла заглушить в нем его. Человек вышел на охоту за человеком. Охотник стал на след охотника. И где-то не так уж далеко, как от толчка, проснулся от острого чувства опасности тот, о ком думал в этот момент Башир Омарович, проснулся и тихо лежал, вслушиваясь, всматриваясь, внюхиваясь в теплую майскую ночь.

Уже совсем стемнело, когда подполковник подъехал к даче Тамары Федоровны. Он остановил машину, проверил пистолет и осторожно двинулся к темнеющему в глубине двора небольшому домику. Похолодало. Он поежился, поднял воротник и стал вслушиваться в лесную тишину. Как-то сразу стало прохладно, сырым сладковатым запахом прошлогодних прелых листьев потянуло с озера. Где-то гулко крикнула ночная птица. И тут прямо перед крыльцом у высокого дерева шевельнулась тень прилепившегося к сосне человека. Шевельнулся и снова затих, мгновенно слившись с корой. Мелькнул и пропал яркий огонек зажигалки меж корявых стволов. Тонкий запах табачного дыма донесся до замершего полковника. Он слышал, как под чужой ногой зашуршал, заскрипел мох, и уже не таясь, двинулся к крыльцу.

– Кто? – резкий хриплый голос полоснул тишину.

– Я это, – буркнул Баширов – А кто ты?

– Неважно. Меня попросили с вами встретиться и кое-что рассказать.

– Пойдемте в дом, поговорим, – Башир Омарович снова поежился, – Кофейку выпьем.

– Нет! – почти всхлипнул человек, – в дом не пойду, пойдемте к реке.

– Подождите. – подполковник зашел в дом, вскипятил чайник, залил в большой белый термос быстро вышел из домика. Ночного гостя он не знал, и знать не хотел. Ясно, что урка. Он их ментовским носом по особому запаху чуял, по речи, по манере держаться узнавал через любой прикид.

– Вот жизнь собачья, – думал Баширов, засыпая сахар в кофе, – Преступники, которым сидеть бы да сидеть, приказы отдают других преступников ловить. А у него подполковника милиции свидание с уркой, который. Наверняка, в розыске, и его, голубчика, тоже надо в места не столь отдаленные.

Захватив с собой термос, он свистнул Еве. Огромная кавказская овчарка бесшумно появилась из темноты, ткнулась холодным носом в руку хозяина. С Евой было как – то спокойнее в этом тихом, укромном месте.

– Она не тронет, – успокоил урку подполковник.

– Я знаю. Меня предупредили, что вы с собакой приедете.

– И это знают, – отметил Башир.

– Пойдемте к реке, там лавочка есть, там и поговорим, – пугливо оглядываясь сказал мужичок, – меня Сеней зовите.

– Сеня так Сеня. Ты не трясись так. Тут нет никого. Ева учует.

Они спустились к реке. На светлой воде играли неяркие блики отражавшегося ночного неба. Тихо шумела вода. Было сыро и прохладно. Башир Омарович сел на лавочку у самой воды. Ева легла поодаль, положив крупную голову на лапы. Уши ее чутко вздрагивали.

– Ну и что, Сеня, ты мне скажешь? – наливая кофе в пластиковый стаканчик вдыхая горячий запах, спросил он.

Сеня молчал, вглядываясь в глубину леса, где за толстыми стволами могучих сосен струилась и сгушалась тьма. Стояла удивительная для городского человека, почти живая тишина. Колыхнулась где-то тяжелая пихтовая ветка, жалобно скрипнул ухой сук. Из темной глубины донесся глухой шуршащий звук, будто кто-то большой и мохнатый терся тяжелым телом о ствол, сотрясая могучий вековой ствол.

Страшно-то как здесь! – поежился Сеня.

– А в городе уютно, – усмехнулся Баширов, – Давай, выкладывай, чем дело.

– Меня просили рассказать о Тунгусе, – пугливо прошептал Сеня, – Многого я не знаю. Мы с ним работали немного. Он в стороне от всех был, да и боялись его сильно. Спинай к нему не повернешься – волна шла. Но дело не в том. Понимаете, начальник, он зверюга большой, ему всю организацию не осилить. Мозги не те. Братва шепталась, что он с бабой работает.

– Что? – Баширов резко повернулся к Сене. – С бабой, говоришь?

Тот испуганно кивнул головой: «Тупой он, понимаешь, и читает-то с трудом по слогам. Кто-то стоит за ним. Так вот я его случайно в городе увидел. С женщиной он разговаривал.

– Может, случайно встретились?

– Нет, зналиони друг друга. Я пива купил, дай, думаю, в тенечке попью. Только присел за пивным ларьком, как вдруг голос Тунгуса слышу. Я так и примерз к стенке. Думаю, убьет, сволоочь. Да ему мало убить, он ведь мучить будет. Не поверишь, мышь поймает, и ей то лапки подрежет, то один глаз выколет-полюбуется, другой, потом режет ее по кусочку. Я дин раз увидел ужас этот, ночь спать не мог. Так вот, слышу я голос Тунгуса. А голос какой-то не такой. Вроде как виноватый, жалобный, ну прям со слезой. Мне хоть и страшно, а любопытно стало Я кусты раздвинул – гляжу: женщина боком ко мне стоит, в черном вся.

– Молодая?

– Не знаю, лица не видел, – вроде, нет. Тунгус перед ней мнется. А она его вдруг как двинет по морде. Я думаю: все, конец ей! Только он как заскулит, ну ровно щенок битый. Она снова ему по морде, по морде! – Будешь, – говорит, – меня обманывать, будешь?

Тут я понял, что если эта парочка меня увидит, они меня вдвоем на ленточки, как ту мышь изрежут Ну и слинял я. Так что, начальник, его рядом с бабой ищи, если он где-то залег.

– Как его искать? Ни фотографии, ни имени, ни примет. Иди туда, не знаю куда, ищи то, не знаю что. А баба, она худая, толстая, высокая или низенькая? Это хоть ты помнишь?

– Она сидела, и платье на ней балахоном. Может и худая, я не понял. Вроде не очень.

– Слушай, как ты думаешь, он давно у нас?

– Я думаю, он все время у вас. Берлога у него тут. Он то появляется, то пропадет надолго. А баба у него точно местная. Братки поговаривали. А про морду его ничего не скажу. Я его только с бородой видел. Но ребята говорили. Что борода эта у него искусственная.

Ева подняла голову и глухо заворчала. Они замолчали, вслушиваясь в ночные шорохи. Деревья придвинулись ближе. Под тяжелыми шагами послышалось пофыркивание, между стволов замаячила темная фигура, ломанулась в чащобу, и еще долго шумел и трещал под могучими ногами валежник.

– Лось! – облегчено вздохнул Сеня.

– Боишься? – то ли спросил, то ли посочувствовал Баширов.

– Рак у меня, жить осталось чуть, и умереть по-человечески хочется. Вот я про Тунгуса и рассказываю, чтобы в чистой постели на белых простынях и мягком матрасе умереть без болей, и чтобы сестрички грудастые меня бульоном поили.

– Да, у каждого свои радости, – подумал Баширов, – Тебя довезти?

Нет, я на электричке, по лесу дойду до станции, – торопливо соврал Сеня.

– Ну, ну, на электричке, – хмыкнул Башир, – Ладно, прощай, хорошей тебе смерти.

– Спасибо, начальник, и тебе удачи. Тебя у нас справедливым ментом считают, правильным.

– И то ладно, начальство не любит, так хоть урки уважают. Все приятно.

– Да, – поднялся Сеня, – Еще у него нож был. Редкой красоты нож, и вещь, должно быть, дорогая. Клинок узкий такой, длинный, и как огоньки холодные в нем играют. А ручка серебром отделана старинным, и знаками всякими разукрашена. С ножом этим он не расставался. «Он для меня, говорит, – и мать, и отец, и любовница. Сидит, бывало, и ножом этим играет, а лицо у него при этом такое, что не приведи, господь вам такое на ночь увидеть. Кошмар на лице вязов. Фредди Кригер перед ним так просто ангелочек.

И еще, – таинственно зашептал Сеня, – Я так думаю, что не человек он.

И кто же, если не человек? – заинтересовался Баширов, – Пришелец?

– Насчет пришельца не знаю, судить не берусь, я в тарелки эти и в зеленых человечков не верю. Но ты не смейся. Я на зоне разных людей видел: и душегубов, и воров разной масти, и больных придурков среди них хватало. Но все они были люди. А Тунгус, он не человек, – убежденно твердил Сеня.

– Заладил, – всматриваясь в тускло поблескивающую в темноте гладь тихо журчащей реки, – буркнул подполковник, – кто же он, по-твоему?

– Я думаю, в нем дьявол сидит. Не поверишь, только вспомню его, у меня кровь стынет, волосы на голове поднимаются. Он, как зверь, сразу, что не так чуял, будто шептал ему кто. И веришь, нет, глянет на тебя и все твои мысли читает. Жуть. Все, кого я знал, боялись его больше смерти, как парализованные были. Так о чем я говорил? Про нож значит. Нож тот у Тунгуса волшебный был.

– Что? – резко повернулся к нему, едва не захлебнувшись горячим кофе, Баширов, – как это волшебный?

– А вот так! Ты, начальник, насмешки не строй. Волшебный он и есть. Сейчас расскажу. – Он снова пугливо оглянулся. – Зашел я как-то к Тунгусу, а он спит, а рядышком на табуретке нож его лежит. Я говорил тебе, что нож тот красоты редкостной, я сроду таких не видел. Лезвие длинное, черное, блестящее, холодом отдает. Блестит как зеркало, а в нем ничего не отражается. И в глубине его искорки холодные такие пробегают. Очень мне захотелось потрогать его. Я и погладил лезвие пальцем. Что со мной было, словом не передашь. Все тело судорогой скрутило, что даже язык отнялся, таким холодом леденящим понесло на меня. И поверишь, палец не могу оторвать от ножа, точно примерз палец.

– Так уж и примерз? – с интересом слушал Баширов. – Ох уж мне урки эти с их народным творчеством. Как навьдумывают, куда там писакам разным, – невольно подумал он.

– И тут нож сам повернулся, как змея, какая, и шась меня по пальцу!

– Это как же сам? – с любопытством повернулся к нему подполковник.

– А вот так! Дрогнул, как живой, шевельнулся и чирк меня по пальцу. Ей богу! – и Сеня перекрестился на луну. Кровь так ручьем и хлынула, словно жизнь из меня потоком потекла. Ох, заорал же я! В глазах потемнело, и я грохнулся прямо на пол, башкой о стол грохнулся. Очнулся – Тунгус надо мной стоит, нож у него в руках, а в глазах смерть. Меня от страха тут же на пол стошнило. А он внимательно, холодно так смотрит на мне в глаза.

– Никогда так больше не делай, – говорит, – Палец покажи!

Я руку хотел поднять – не могу! Ни руки, ни плеча не чувствую, и боль такая, что хуже зубной, тупая. Озноб от нее, аж трясти начало. Тунгус меня на койку перенес, сам на табуретку сел и снова смотрит, хорошо смотрит, по-доброму. И поверь, в первый раз что-то человеческое в нем проглянуло. Он меня одеялом укрыв, а сам ушел.

– Он что отравленный был, нож этот? – полюбопытствовал Баширов.

– Волшебный он был, колдовской. – упрямо набычился Сеня.

– Ну, хорошо, колдовской и колдовской, ты рассказывай. Сроду такого не слышал, – успокоил его подполковник.

– Тунгус ушел, а я от ранки той чуть не помер. Боль терзала такая, что всю ночь спать не мог, плакать сил не было, и, поверишь, болело все сильнее и сильнее. Мне ребята мазей всяких нанесли, врачу вызвали. Она: «Ампутировать нужно палец, у вас заражение. Страшно запущено. Когда порезались?»

Я ей: «Вчера к вечеру». А она бровки выщипанные подняла: «Вы мне не лгите. Ране этой не меньше месяца, нагноение началось. Немедленно в больницу». И уплыла важная такая, в халате белом. Я ей вслед гляжу, и мне стало казаться, что легче отрубить топором тот палец, чем терпеть все это. Бинт разматываю – а там вместо пореза рана до кости, мясо гнилое, кость торчит, и смердит невыносимо. Сижу, плачу. Палец совсем невыносимо разболелся, словно иголки ледяные под ноготь загоняют, аж до сердца достает. И, поверишь, рана на моих глазах больше стала. Тут тень от окна упала. Гляжу: Тунгус в дверях.

– Покажи рану, говорит.

– Какое там покажи! Я ж дернуться не могу, только плачу. А у него глаза ясные, живые, человеческие, и вроде улыбаются. Он наклонился надо мной и грустно так: «Бедный маленький человек! Печать смерти на тебе, но твой срок еще не наступил, миссия твоя не выполнена, и уйти ты пока не можешь.» Сказал слова эти непонятные и нож свой страшный достал. Я шевельнуться не могу от боли и ужаса. А он рубаху по локоть закатал, и ножом по своей руке чирк! И его кровь прямо мне на палец.

– Себя что ль порезал? – спросил Баширов недоверчиво, – Зачем?

Пожалел он меня, – с гордостью ответил Сеня.

– Ага, пожалел волк кобылу, – недоверчиво усмехнулся подполковник, – Дальше то что?

– Да я как на свет народился. Боль утихла сразу, трясти меня перестало, по всему телу тепло пошло.

– Лекарственная, значит у Тунгуса кровь! – догадался Баширов, – Поймаем, откачивать будем, за валюту продавать. Не знал я, где моя удача! Наконец – то разбогатею. Вот счастье подвалило!

– Не насмешничай, – обиделся Сеня, – говорю что есть, а ты сам решай, что к чему. Мы милицейских институтов не кончали. Только как кровь его горячая на мой бедный палец капнула, мне так спокойно, так уютно стало, что я не заметил, как уснул. Просыпаюсь, а боли нет, рука будто и не болела, и в теле легкость такая, хоть пляши. На месте раны кожица новая, розовая, чистая, как у младенца. Шрама не осталось. Темно тут, а то я бы показал.

– А Тунгус?

– Что Тунгус? Я его после этого не видел. Ушел он, как сквозь землю провалился. Да, я его спросил перед тем, как он кровь свою для меня пролил.

– Я, – говорю, – умру?

А он мне задумчиво так, по-человечески: Умрешь, но не от моего ножа. Твоя смерть в тебе сидит уже. От болезни умрешь.

Выходит, он тогда знал, что рак у меня. Откуда, спрашивается, знал? А ты говоришь – выдумки.

– Он тебя, выходит, спас, а ты вот сдаешь его, – ляпнул, не подумав, Баширов.

Сеня молчал.

– Оправдываться не буду, на священника ты мало похож. Обидел ты меня. Сказал же, я долг отдаю. Опять же я говорил тебе, что не человек он.

И с чувством добавил: Я, может, человечество спасаю, а ты из меня стукача делаешь.

Ева снова хрипло заворчала. Через мгновение она со злобным лаем бросилась в темноту. Кто-то большой и мощный бежал в сторону леса, затрещали кусты под тяжелой поступью. Зловеще ухнул и захохотал филин.

– Да лось это, – успокаивающе сказал Баширов, – Много их здесь развелось.

Ева вернулась, улеглась на траве, вывалив розовый влажный язык тяжело дыша.

– Я вот сейчас сижу здесь. Вам про него рассказываю, а мне все кажется, будто он где-то рядом притаился, слушает все и усмехается, – человек пугливо оглянулся и передернул плечами.

– Аминь, – задумчиво сказал подполковник.

С этими мыслями он свистнул Еву, сел в машину и уехал.

– Все это полный дебилеж! – думал Баширов, вглядываясь в несущуюся навстречу дороге, – Сумасшедший дом. Спятивший от страха миллионер, волшебный нож, человеколюбивый маньяк, убийца и колдун в одном лице. Куда, спрашивается, на какую полку ставить любимый Уголовный кодекс?

На стекло брызнули капли дождя. Гроыхнул гром. Не дай бог застанет дождь, дорогу развезет, попробуй, выберись отсюда, даром, что город рукой подать. Он переключил скорость, поехал быстрее, хоть и не любил быстрой езды, и вообще машину не любил, потому без шофера был как без рук. Сашка удивится, обнаружив, что начальник куда-то ездил, но не спросит ничего. Умный парень, и жить хочет, вот и не лезет в то, что его не касается. А он, Баширов, тоже жить хочет. И потому вам, господа, с панталыку меня не сбить. Как говорил героический Глеб Жеглов: «Убийца должен сидеть в тюрьме!» Вот этого золотого правила и будет придерживаться в своей правоохранительной деятельности не совсем идеальный, а, если честно, то совсем даже не идеальный страж закона и порядка, подполковник милиции Баширов. Только кто он, этот загадочный Тунгус, и где ж его, страшного нашего, искать? Трескотни вокруг него много, а самого главного как не было, так и нет. Ни имени, ни Фамилии, ни примет, ни укоряющих свидетелей в глазах. Он, если честно, не очень удивится, если Тунгус этот бабой, например, окажется. Голым его никто не видел, усы и бороду даже Тамара Федоровна может приклеить. Голос тоже не при чем. Высокий, тонкий. Сила и у бабы может быть неплохая. Вон, какие ядра толкают, штанги поднимают, стреляют не хуже мужиков. И это все вместо того, чтобы детей рожать и суп мужику варить. А мы удивляемся, откуда Тунгусы берутся. Бабы виноваты. Баба он или мужик, а найти надо. Потому как, если он в его районе залег, где гарантии, что в один прекрасный день Тунгус этот или Тунгусиха не решат спасти мир ценой его, Баширова, жизни и крови. А это еще один очень серьезный аргумент в борьбе с мировым злом.

Наконец лесная дорога закончилась. Машина выехала на автостраду и стремительно понеслась по мокрому асфальту в наплывающий белесый туман к городу.

Сеня долго смотрел вслед уехавшей машине, затем достал мобильный, тихо что-то сказал в трубку побрел по дороге в сторону города. Через час уже никто не тревожил ночной лес. Только макушки самых высоких сосен, облитые кроваво-красным светом, шумели и качались под напором верхового ветра.

1.7. Шерлок Холмс и бабка Марья

Алексей Николаевич Федоров, участковый поселка Комсомольский, ехал домой после долгого и секретного разговор с начальником. Алеше было 27 лет, но хлебнул он на своем веку все мыслимые и немыслимые горячие точки и Чечню. Везло ему невероятно. В плен не попал, ни разу не ранило, но в голову все-таки война дала. Не мог спать ночью. Днем при свете солнца сон наваливался сразу, а ночью никак не исчезало обостренное чувство опасности, от которого не лечил ни таежный, напоенный цветочными арматами свежий и густой воздух, ни величественная тишина, ни парное молоко бабки Марьи, у которой поселился молодой участковый. В первый раз его привез со станции глава местной администрации на старом, глухо рыкающем мотоцикле. Было лето. По обеим сторонам заросшей травой таежной дороги тянулись непроходимые заросли лесной малины. Крупные ягоды, налитые розовым соком, густо облепили кусты. Малина была удивительно пахучей и сладкой. Алеша на одном месте набрал целый котелок. Вся дорога была изрыта выбоинами и рытвинами, в которых застоялась покрытая зеленой ряской вода. Мотоцикл со всего маху влетал в эти лужи, разбрызгивая во все стороны пахнущие гнилью брызги. Алеша привык к светлым березовым рошицам, а здесь стеной поднимался угрюмый и мрачноватый лес, густо затянутый невиданно разросшимся папоротником, кустами красной и черной смородины, обильно усыпанными налитыми ягодами. Мотоцикл то и дело подбрасывало на выбоинах и корнях. Временами дорога прорывалась через такую гущу тайги, что приходилось пригибаться, чтобы мохнатые ветки пихт с сочной темной хвоей не нахлестали лицо. Ехали долго, и вдруг тайга как-то сразу кончилась, оборвалась. Внизу, как рассыпанные неловкой детской рукой цветные камешки, раскинулся поселок. Место было красоты невероятной. С севера уходил в синюю даль могучий кедровник, с юга подступала прямо к деревне невиданная в этих краях реликтовая липовая роща, цветущая золотыми цветами. Сладкий медовый липовый дух смешивался с запахом разогретой солнцем хвои и ароматом цветов. У Алешки дух захватило. Укутанные синей дымкой, курились, уходя за горизонт, покрытые девственным лесом горы. Посреди деревни синей лентой извивалась мелкая чистая речушка. Улиц в понимании Алешки в поселке почти не было, только центральная и пара боковых. Остальные дома были вольно разбросаны по уютной долинке в полном беспорядке. Казалось, что строили их хозяева, где хотели и как хотели, без оглядки на план и соседей.

– Красота! – восхищенно ахнул Алеша.

– Урочище страха, – вдруг угрюмо буркнул Петрович и пояснил удивленному новичку, – Это кержаки места так эти называли. Они здесь не селились, кержацкий поселок недалеко отсюда, но там сейчас и не живет никто.

– А почему Урочище Страх? Места красивые, а название такое жутковатое, – поинтересовался заинтригованный участковый.

– Кержаки считали, что оно нечистое, злое, долинку эту обходили. А в 50-е сюда зеков привезли: лес был нужен, вот и построили поселок.

– И что? Правда, место злое? Что духи здесь, демоны? – с любопытством уставился на Петровича участковый.

– Сам узнаешь. А кладбище кержацкое у речки осталось. Брошенное оно. Ну, поехали!

Алексей Николаевич для местных жителей был человеком загадочным. У всех участковых, которые раньше следили за поведением жителей и соблюдением законов в поселке, были понятные человеческие недостатки. Высокий красавец Данилов беспробудно пил, напившись, бежал на речку и палил по комсомольским гусям, устраивая охоту. Когда это всем надоело, на него написали телегу, и снайпера Данилова заменил проштрафившийся где-то на наркотиках Волынцов. Тот вообще носа из дома не казал, тайги боялся до смерти, трезвым его видели только, когда приезжало начальство. Пил он по-черному, сразу засыпал, через полчаса про-

сыпался, играл на гармошке, пел заунывным голосом русские песни и снова пил. Люди его жалели, была, видать, у мужика какая-то беда. Потом забрали и этого. Хорошо помнили сельчане и долговязого с огненной шевелюрой и яркими разноцветными глазами на изъеденном рытвинами лице участкового Мальцева. Он приехал с женой и маленьким сыном. Жена его, Людмила Аркадьевна, высокая, тоненькая, большеглазая, потрясла все основы комсомольского быта, явившись в школу, куда устроилась воспитателем в группу продленного дня, в узких, обтягивающих круглую задницу брюках. Теперь учителем в штанах никого не удивишь, сама директор Ольга Алексеевна щеголяла в брючных костюмах, нисколько не портящих ее дородную расплывшуюся фигуру. Но в те времена на воспитательницу, раскрыв рот, глазела вся школа. Сама Ольга Алексеевна, сидя в столовой и прихлебывая жиденький супчик из алюминиевой миски, несколько минут наблюдала, как движется между столами обтянутый штанами учительский зад, и как старшеклассники, крепкие, высокие парни, совсем не похожие на недокормленных городских школьников, с неподдельным интересом ощупывают глазами все мелкие подробности заманчивой картины. Она отложила ложку, размашистой походкой вышла из столовой, вызвала возмутительницу школьной нравственности и велела снять штаны и одеть юбку. Но не тут – то было. На следующий день молодая воспитательница пришла в школу в очень приличной длиной черной юбке. Не успела Ольга Алексеева облегченно вздохнуть, как выяснилось, что у приличной юбки сзади прямо у попке тянется совершенно невероятный разрез. При каждом движении разрез расходился, открывая восхищенной публике обтянутые черной сеточкой длинные ноги. Когда Людмила Аркадьевна шла по лестнице, за нею выстраивалась целая очередь обнаглевших старшеклассников, пожиравших глазами захватывающее зрелище. На переменах они с жаром обсуждали увиденное, и некоторые утверждали, что видели в разрезе белые трусики Людмилы Аркадьевны.

Потерявшая терпение директриса снова вызвала жену участкового на воспитательную беседу и велела надеть юбку без разреза. На следующий день торжествующая школа любовалась черной полоской, еле прикрывающей бедра красавицы учительницы и которую очень условно можно было назвать юбкой. Когда же Людмила Аркадьевна садилась, закинув ногу на ногу, ни о какой дисциплине на уроках быть не могло. Дай волю, ребята притащили бы в школу призматические бинокли, чтобы не упустить ни одной волнующей подробности из редкого зрелища. К облегчению пришедшей в полное недоумение директрисы, Людмила Аркадьевна очень быстро уехала из поселка, прихватив с собой рыжего участкового. Дело в том, что Мальцев оказался шkodливым и блудливым до неприличия, и сутками мог не вылезать из постелей истосковавшихся по мужской ласке одиноких и не совсем одиноких баб. Он их любил всех сразу без различия цвета и возраста и выкидывал такие фортели в постели, что сразу оказался вне конкуренции среди мужской половины поселка. Мальцева били, невзирая на форму и табельное оружие. Синяки, царапины, ссадины не сходили с блудливой физиономии неунывающего участкового. Но однажды его все-таки поколотили сильно, увезли в больницу с сотрясением мозга и сломанными ребрами. В село нагрянула милиция искать преступников. Но при следствии выяснилось, что мотивы были у доброй половины села – тогда Мальцева повысили в звании за проявленные отвагу и увечье и перевели. Долго в Комсомольске не было участкового. Не находилось желающих ехать в таежную глухомань, а из местных никто в законники не стремился. Алеша же, вернувшись из Чечни, работу найти не мог, головные боли мучили, вот его по знакомству и воткнули временно участковым в поселок Комсомольск.

– Поспишь, отдохнешь, полечишься – уговаривали его друзья. Алеша подумал и согласился.

Появление нового участкового было воспринято селом с большим интересом и скоро обросло загадочными подробностями. Уже то, что Алексей Николаевич был молод, красив особой цыганской красотой, высок, строен и неженат, само по себе было сенсацией. Но к изумлению деревенских жителей, новый участковый не просто не пил водку, он в рот не брал даже

пива и не шлялся по бабам. Ничего не понимающие односельчане твердо знали, что просто так молодого, непьющего красивого мужика к ним не пришлют, значит был у Алексея Николаевича какой-то особенный, страшный недостаток. То, что участковый спал днем, ночью бродил по селу, стало известно сразу. А после того, как он одним ударом выбил топор из рук озверевшего пьяного соседа, гонявшего семью вокруг сарая, да не просто выбил, а еще и дал по шее так, что здоровенный мужик вдвое выше Алеси ростом два дня черный лежал, хватая воздух и не вставая с постели и не мог ни пить, ни есть деревня сразу догадалась, что молодого милиционера отправили в ссылку за смертоубийство. Боялись и уважали Алешу в деревне все от мала до велика. Черт его знает, что придет в голову этому внешне спокойному менту. Даже пьяные хулиганы, болтающиеся по очам по деревне и затевающие жестокие драки, часто заканчивающиеся поножовщиной, затихали, когда высокая фигура участкового возникала из ночной темноты. Порядка Алексей Николаевич, конечно, не навел, таежный поселок давно жил по своим неписанным законам, но жил теперь здесь с оглядкой на маленький покосившийся домик бабки Марьи. От нечего делать и жалея старую, Алеш починил ей забор, заменил сгнивший брус бани, отремонтировал провалившийся пол. Полуглухая востроносая бабка Марья обожала квартиранта, кормила его золотистыми пирожками с картошкой, отпаивал теплым парным молоком. Как только принесет от коровы подойник, отцедит молоко прямо в большую красную глиняную кружку, так и несет его, еще сохранившее коровье тепло прямо к Алеше. И пока он пьет, смотрит на него радостными и ласковыми глазами. Новому участковому предлагали переехать а отдельную квартиру, брошенных домов в поселке было немало, но ему было хорошо, уютно и спокойно у бабки Марьи, и он отказался. Сам Алексей Николаевич был деревенским парнем, но весь опыт его деревенской жизни отступил в Комсомольске, где нравы и обычаи по которым жили люди, также отличались от обычной деревни, как та отличается от города. И поселок, и лес вокруг, и люди, даже собаки здесь были другие. Ох и странная же это была деревня! В прошлом это был крупный леспромхозовский поселок, построенный вопреки всем недобрым слухам на месте старого кержацкого кладбища. Волей прихотливого вкуса неизвестного архитектора заброшенный кержацкий погост оказался чуть ли не самым ухоженным местом и главным украшением Комсомольска. Он всегда был обнесен целым деревянным забором, строго белели кресты на уложенных серыми плитами простых могилах. Трава, мощно поднимающаяся на богатой земле, здесь всегда аккуратно скошена. Не было ни цветов, ни кустиков, ни лавочек, заботливо построенных родными, не увидишь в родительские дни и традиционной стопочки, прикрытой кусочком хлеба, и обычных подношений в память о покойниках, оставленных близкими у изголовья могил. Все было просто, строго, содержалось в идеальном порядке. За кладбищем следили несколько десятков семей старожилов, перебравшихся со старого кержацкого поселка, находившегося в нескольких километрах отсюда. Теперь в том кержацком скиту доживали свой век несколько стариков и старух, о которых сурово и молча заботились те же семьи. Поселок, в котором леспромхоз давно распался, жил своею непонятной чужой Алеше жизнью. Улиц в обычном понимании было три, остальной поселок был разбросан, дома строились там, где нравилось хозяину, причем прихватывались к дому и годились жердями и покосы, и огород, просто для души и от жадности. Эти разбросанные дома отличались от построенных по плану, как небо от земли, хоть и построены были на леспромхозовские деньги и лес. Только строили их хозяева для себя. Сделанные из кедра огромные добротные дома с хозяйскими постройками, обязательной баней, летней кухней. погребом под одной крышей, обнесенные двухметровым забором, они были похожи на маленькие, хорошо укрепленные крепости. Во дворе каждого был колодец, но воды лучше не проси – не дадут. Жили в этих домах в основном потомки кержаков. И, как подозревал Алеша, они-то и были настоящими хозяевами тайги, угрюмо подступавшей к поселку со всех сторон. Остальные двух и четырехквартирные бараки, построенные рядом, кучковались, отгороженные друг от друга кривыми заборами из перекошенного штакетника. Вначале Алеше они казались похожи друг

на друга, как близнецы, но постепенно он научился различать, где живут порядочные, по комсомольским меркам, люди, где бичи, а где уж вовсе отморозки и нищета, которых тоже хватало в глухом поселке, куда не любила ездить власть. У порядочных людей заборы были целы, калитка закрывалась на крючок, наличники выкрашены в красивый синий.

Цвет, рамы обязательно в белый, стекла сияют чистотой, на дверях, оббитых дерматином красуется электрический звонок. Во дворе насажены кусты георгинов и астр, крошечные грядки выполоты, крылечко вымыто. Комсомольские бабы – разговор особый. Алеша только диву давался. Какой идиот оклеветал русскую бабу, прозвав ее неряхой и распустехой? Сильно подозревал Алексей Николаевич царя Малыя и Белыя Руси великого государя Петра 1, смеявшегося тихую и умную скромницу жену на напомаженную и расфуфыренную немку, которая и в бане то не мылась. Комсомольские бабы драили свои хаты до блеска. Позор, если печка не подбелена или, не дай боже паутина в углу, или молоко быстро киснет – враз осудят и засмеют. До такого же блеска они драили и себя: терли до изнеможения пятки кирпичом, наводили красоту до последних денег. За нарядами устраивались огромные очереди, хоть и носить их было некуда, разве в магазин и в школу на родительские собрания и праздники. Местом сбора всего бабьего крикливого, язвчатого и недоброго народа был утренний выгон коров, когда хозяйки, подоив скотину, гнали ее в общее стадо, а затем большой шумной и галдящей толпой стояли, глядя, как, рассыпавшись по горе, стадо медленно движется к тайге. Для этого события, перешедшего в сложный ритуал, у каждой имелся особый наряд. Галоши резиновые с шерстяными носками, теплая безрукавка и неизменный платок. Расцветка, качество, изысканность наряда зависела от достатка, вкуса и уважения каждой к своей особе.

Здесь утром все новости дня, вечера, прошедшей ночи становились общим достоянием, обрастали захватывающими подробностями и отправлялись странствовать из одного двора в другой. Управившись со скотиной, пололи огород, готовили обед, мыли заветное крыльцо. Баню здесь топили каждый день. После утренних работ бабы остервенело смывали с себя все скотские и огородные запахи, оттирали пятки, надевали рубашки и ложились спать. До 12 было бесполезно даже соваться в дома. Затем занимались кто чем. Вечером снова все повторялось. Но это было правило для неработающих порядочных женщин, но были и такие, кто стандартам не соответствовал, их осуждали, над ними смеялись. Немало было и таких, кто вообще жил, куда юбка понесет, умудрялись бросить вызов всему бабьему сообществу. Благодаря им, жизнь в поселке приобретала драматизм и остроту. Мужики в поселке держались группами. Среди понятных и знакомых Алексею Николаевичу типов были и такие, которые его настораживали. Непонятны были и источники доходов жителей деревни, в которой не было и следа какого-то производства. Государственный лесхоз и единственная лесопилка влачили жалкое существование. Между тем в каждой самой нищей хате стоял японский телевизор и видик, сотовые были почти у всей молодежи, хоть толку от них было мало: связь здесь почти отсутствовала. Женщины щеголяли в натуральных шубах, дубленках, мужики курили дорогие сигареты и пили недешевое пиво. Оружие было у всех. Увидев участкового, пытавшегося прорваться через огромных злобных псов, его немедленно прятали, но он не очень бы удивился, обнаружив у кого-нибудь из крепких хозяев Комсомольска что-то вроде ракетной установки. Здесь никто ни на кого не жаловался, никто никому ничего не прощал. За обиду и убытки могли сжечь дом или угостить пулей в тайге. Но преступлений явных, в которых бы были замешаны открыто жители деревни не было почти совсем, а уж таких, в которых был бы пойман, уличен и осужден из своих местных, коренных, и подавно никто не помнил. Как-то умудрялись мужики договариваться друг с другом, поддерживать видимость мира. А перед лицом общей опасности они мгновенно объединялись, и пробить стену общего молчания, связанную круговой порукой, было невозможно. Между тем и краж, и поножовщины, и убийств было столько, что поселок звали Вальцовским Чикаго. Правда замешаны были либо приезжие, либо пришлые, либо те из жителей поселка, кто и местным-то считался с трудом. Коренные жители держались особня-

ком, хоть Алеша и подозревал, что корни надо искать именно там, где за двухметровым забором заливались злобным лаем лютые громадные псы.

Поселок, и лес вокруг, и люди, и даже собаки здесь были другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.